

В.А. Томсинов

М.М. Сперанский
о технологии проведения
государственных преобразований

Опубликовано
под названием:

**«Судьба определила всем обществам человеческим
менять только пороки»: М.М. Сперанский о технологии
проведения государственных преобразований**

в издании:

Законодательство. 2016.

№ 8. С. 88–94. № 9. С. 88–94. № 10. С. 88–94.

№ 11. С. 86–94. № 12. С. 78–85.

1

Наследие М.М. Сперанского огромно по своему объему и уникально богатством своего содержания. Он не был профессиональным ученым, основной деятельностью которого является служение науке. Михаил Михайлович служил государству, государственная служба была главной его профессией, определявшей течение его жизни¹. Самая ценная часть его творчества — многочисленные записки и заметки по социальным, политическим, административным и правовым вопросам — была в той или иной мере связана с его государственной деятельностью, являлась ее продолжением.

В русскую историю М.М. Сперанский вошел с репутацией государственного деятеля-реформатора, и для присвоения ему такого звания имелось достаточно оснований. Михаил Михайлович являлся творцом многих преобразовательных планов. Им разрабатывались проекты реформы государственного строя Российской империи, причем как всей его системы², так и отдельных его частей или органов: Правительствующего Сената³, Государственного совета⁴, судебных и правительственных учреждений⁵, губернского управления⁶. Он писал проекты императорских указов о новых

¹ См.: *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. Издание 5-е, обновленное и дополненное. М., 2013. — 476 с.

² См.: *Сперанский М.М.* Введение к Уложению государственных законов // *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 143–221.

Сперанский М.М. Проект Уложения государственных законов Российской империи // Там же. С. 222–225. *Сперанский М.М.* Краткое начертание государственного образования // Там же. С. 225–231.

³ См.: *Сперанский М.М.* Введение к проекту учреждения Судебного Сената // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 176–181. *Сперанский М.М.* О порядке исправления окончательных судебных решений в Сенате // Там же. С. 194.

⁴ См.: Образование Государственного совета. 1 января 1810 г. // 1-ПСЗРИ. Том 31. № 24064. С. 3–15.

⁵ См.: *Сперанский М.М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // *Сперанский М.М.* Проекты и записки. С. 86–139. Общее учреждение министерств. 25 июня 1811 г. // 1-ПСЗРИ. Том 31. № 24686. С. 686–718.

⁶ См.: Проект учреждения для управления губерний, составленный М.М. Сперанским // Сборник императорского Русского исторического общества. Том 90. СПб., 1894. С. 274–358.

правилах государственной службы⁷, создавал новую модель управления Сибирью⁸, составлял документы, оформлявшие организацию управления в Великом княжестве Финляндском⁹ и т.д. Именно Сперанским были разработаны проекты учредительных документов элитных учебных заведений России – Царскосельского лицея¹⁰ и императорского Училища правоведения¹¹. Он был вдохновителем кодификации гражданского права в России, творцом проекта Гражданского уложения 1809–1811 годов¹². Им были продуманы и начертаны проекты Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Будучи по фактическому своему статусу главноуправляющим Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Сперанский выступал руководителем грандиозных работ по систематизации российского

⁷ См.: Именной указ, данный Сенату 3 апреля 1809 г. «О неприсвоении званиям камер-юнкеров никакого чина, ни военного, ни гражданского, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальным чином» // 1-ПСЗРИ. Том 30. № 23559. С. 899–900. Именной указ, данный Сенату 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские ассесоры и статские советники» // 1-ПСЗРИ. Том 30. № 23771. С. 1054–1057. Смысл обоих этих указов раскрывается в сентенции, с которой начинается первый из них: *«Поощрение к службе и возбуждение всех сил и способностей к труду и деятельности на пользу общую составляют одно из важнейших попечений правительств»*.

⁸ См.: Учреждение для управления Сибирских губерний. 22 июля 1822 г. // 1-ПСЗРИ. Т. 38. № 29125. С. 345–394.

⁹ См.: Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. С. 145.

¹⁰ В письме к П.Г. Масальскому, написанном 4 февраля 1815 г., М.М. Сперанский, советуя ему отдать своего сына в Царскосельский лицей, сделал следующее признание: «Училище сие образовано и устав его написан мною, хотя и присвоили себе работу сию другие; но без самолюбия скажу, что оно соединяет в себе несравненно более видов, нежели все наши университеты» (Дружеские письма графа М.М. Сперанского к П.Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М.М. Сперанского. СПб., 1862. С. 65).

¹¹ См.: Императорское Училище правоведения. Записка графа Сперанского // Русская старина. 1885. Том 48. № 12. С. I–IV.

¹² См.: Томсинов В.А. Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права. Статьи 1–3 // Законодательство. 2014. № 10. С. 88–94. № 11. С. 88–94. № 12. С. 88–94.

законодательства, проведенных во второй половине 20-х – начале 30-х годов XIX века¹³.

Все эти факты свидетельствуют, что реформаторская деятельность М.М. Сперанского являлась чрезвычайно объемной и многогранной. Большинство его замыслов и проектов остались неосуществленными или были осуществлены не в полной мере. Но многие из разработанных им планов нововведений оказались успешно реализованными на практике.

Исследователи судьбы, творчества и государственной деятельности М.М. Сперанского главное свое внимание обращают обыкновенно лишь на содержание его реформаторских замыслов, планов, проектов и на воплощение их в действительную жизнь. Политико-правовые идеи русского реформатора, безусловно, представляют научный интерес и нуждаются в дальнейшем более всестороннем и глубоком изучении. Однако есть в произведениях Сперанского, помимо этого, нечто и другое не менее интересное и ценное, но по каким-то причинам ускользающее от внимания изучающих его наследие.

Излагая планы и проекты реформ, анализируя в своих записках состояние российской государственности, Сперанский не ограничивался описанием нововведений и пороков, для исправления которых они были предназначены, но высказывал мысли и о том, каким образом должны проводиться преобразования, какие беды и опасности они могут нести с собой, на какой результат можно рассчитывать при их осуществлении в условиях России. Эти мысли разбросаны в текстах различных сочинений Сперанского, но если их свести воедино и привести в какую-то систему, то сложится конструкция, которую можно назвать *методикой* или **технологией проведения государственных преобразований**.

Данная методика имела скорее прикладной, чем теоретический характер: она исходила не из умозрительных размышлений, а из совершенно прагматичной оценки состояния российского общества и характера его государственности. Выражая эту оценку, Сперанский

¹³ См. об этих работах: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М., 2010. С. 237–278.

предстает настоящим консерватором, т.е. государственным деятелем, стремящимся сохранить существующие порядки.

Применительно к взглядам М.М. Сперанского на право в историко-правовой литературе уже высказывалось мнение о консервативной их направленности. Е.В. Тимошина отмечала, в частности: «Неопубликованные рукописи М.М. Сперанского, хранящиеся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, позволяют сделать вывод о том, что он стоит у истоков консервативной традиции русской правовой мысли, в рамках которой им было создано оригинальное правовое учение, всесторонне объясняющее феномен права в его историческом развитии и многоуровневом бытии — психологическом, социальном, нормативном»¹⁴. В подтверждение данного вывода Е.В. Тимошина ссылается на рукопись Сперанского «Сходство в образовании права с образованием языка», в которой он «воспроизводит строй рассуждений и аргументацию» приверженца консервативного исторического подхода к праву немецкого правоведа Ф.К. фон Савиньи¹⁵.

Консервативный характер правового мировоззрения М.М. Сперанского являлся вполне закономерным. Разработанное в Германии историческое направление в объяснении права стало доминировать во второй трети XIX века и в российской научной юриспруденции¹⁶. Однако **Сперанский отличался консервативностью не только в своем подходе к праву, но и в воззрениях на развитие общества и государства.**

В качестве свидетельства этого можно привести записку, отрывок которой был напечатан в 1872 году под весьма примечательным названием «Порядок и его следствия в государстве». Михаил Михайлович высказал в ней мысль о том, что *реформы необходимы не ради какого-либо прогресса, но для сохранения существующего государственного строя и предотвращения его революционного слома.*

¹⁴ Тимошина Е.В. Рукописное наследие М.М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. 2001. № 3. С. 221.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. об этом: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010. С. 54–59.

Старый порядок, по его мнению, хорош уже в силу того, что существует долгое время и потому удобен для населения. Такие мысли и мнения кажутся противоестественными для Сперанского, но вот его подлинные слова: «Порядок постоянный и продолжительный превращается, наконец, в судьбу — в необходимость физическую. Он покрывает себе все существа, пресекает мечтания ума и сердца. Он сливается со всеми интересами жизни и образует ее по своему. Отсюда происходит: 1) Трудность изменений; 2) Спокойствие умов; 3) Привязанность сердца к интересам. Но когда он раз потрясен, то производит: 1) Нетерпеливость и беспредельность изменений; 2) Общее смущение и ярость умов; 3) Сражение интересов — революцию. *Для избежания сих превращений, нужно всемерно охранять существующий порядок, т. е. 1) Часто осматривать его и, соображая его с духом времени, поправлять обветшалое. 2) Вводить постепенные в нем перемены и непрерывно улучшать, чтобы всего не переделывать»*¹⁷ (курсив мой. — В.Т.).

Содержание разработанных Сперанским проектов государственных преобразований оставалось почти неизвестным русскому обществу на протяжении XIX века¹⁸. Поэтому судили о нем как о реформаторе

¹⁷ Сперанский М.М. Порядок и его следствия в государстве // В память графа Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 847–848.

¹⁸ В 1847 г. Н.И. Тургенев опубликовал некоторые извлечения из проектов Сперанского, в том числе из «Введения к Уложению государственных законов», в своей книге «Россия и русские», вышедшей в Париже на французском языке (см.: *Extraits des Projets de Speransky // Tourgueneff N. Le Russie et les Russes. Tome 3. De l'avenir de la Russie. P. 423–486*). Но они давали весьма искаженное представление о подлинных замыслах государственного деятеля-реформатора. Первая аутентичная публикация «Введения к Уложению государственных законов», сделанная по подлинной рукописи этого произведения, состоялась только в 1899 г., в журнале «Историческое обозрение» (см.: Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при императорском С.-Петербургском университете, издаваемый под редакцией Н.И. Карева (1898 г.). Том 10. СПб., 1899. С. 3–62). В 1905 г. в Москве вышла в свет книга «План государственного преобразования графа М.М. Сперанского», в которой был повторно опубликован текст «Введения к Уложению государственных законов» и в приложении к нему «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», статьи «О государственных установлениях» и «О крепостных людях», а также письмо Сперанского к императору Александру I с разъяснением им своих реформаторских замыслов, написанное из Перми в 1813 г. Только с этого времени стало возможным с некоторой долей достоверности судить о разработанных Сперанским проектах государственных преобразований.

более на основании слухов, нежели с опорой на достоверные сведения. Слухи представляли Сперанского реформатором-либералом, пытавшимся подогнуть государственный строй Российской империи под начертанный им по западноевропейским образцам умозрительные схемы, не принимавшие во внимание ни русских традиций, ни духа русского народа, ни особых условий русского общества.

Этим слухам верил историограф Н.М. Карамзин и не упускал случая разбранить М.М. Сперанского за его якобы слепую приверженность вредным для России иностранным идеям. Критикуя в записке «О древней и новой России» реформаторскую политику императора Александра I, Николай Михайлович одновременно направлял свой гнев и на Сперанского. В составленном им проекте Гражданского уложения Российской империи историограф почему-то увидел копию Гражданского кодекса французов 1804 года и поэтому обрушился на этот проект с предельно резкими упреками: «Для того ли существует Россия, как сильное государство, около тысячи лет, для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного уложения, чтобы торжественно перед лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7-ю экс-адвокатами и экс-якобинцами?»¹⁹

Между тем эти выдающиеся личности были духовными родственниками: роль человека в мире и многие другие вопросы общественного бытия понимали сходно. Позднее они почувствуют духовную родственность друг друга и каждый из них воздаст другому должное. Сперанский высоко оценит Карамзина как писателя-историка. «Весьма благодарен вам за «Историю» Карамзина, — писал он 5 марта 1818 года в письме своему другу А. А. Столыпину. — Что бы ни говорили ваши либеральные враги, а «История» сия ставит его наряду с первейшими писателями в Европе»²⁰. 7 мая того же года Сперанский вновь обращался к А. А. Столыпину: «Пусть Карамзин меня бранит сколько угодно, а я хвалить «Историю» его не перестану.

¹⁹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русский архив. 1869. Вып. 12. Стлб. 2325. В марте 1811 г. сестра государя Екатерина Павловна передала эту записку своему венценосному брату, приехавшему к ней в Тверь погостить.

²⁰ Сперанский М. М. Письмо к А. А. Столыпину от 5 марта 1818 г. // Русский архив. 1869. Вып. 5. Стлб. 919.

Разность между нами та, что он бранит меня, не зная, а я хвалю его с основанием. История его есть монумент, воздвигнутый в честь нашему веку и словесности»²¹ (курсив мой. — В.Т.).

Взгляд на реформаторство М.М. Сперанского как проявление либерализма выражал и А.С. Пушкин, называя его «гением Блага» и противопоставляя графу Аракчееву как «гению Зла»²². Но, пожалуй, наиболее резкие суждения о Сперанском как о государственном деятеле-реформаторе высказал Ф.М. Достоевский. В своей «Записной тетради 1876–1877 годов» выдающийся наш писатель дал ему чрезвычайно язвительную характеристику:

«Семинарист, сын попа, составляющего status in stato, а теперь уже и отщепенца от общества, а казалось бы, надо напротив. Он обирает народ, платьем различается от других сословий, а проповедью давно уже не сообщается с ними. Сын его, семинарист (светский), от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на все желание. Он образован, но в своем университете (в Духовной академии). По образованию проеден самолюбием и естественною ненавистью к другим сословиям, которые хотел бы раздробить за то, что они не похожи на него. В жизни гражданской он многого внутренне, жизненно не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно. Сперанскому ничего не стоило проектировать создание у нас сословий, по примеру английского, лордов и буржуазию и проч. С уничтожением помещиков семинарист мигом у нас воцарился и наделал много вреда отвлеченным пониманием и толкованием вещей и текущего»²³.

²¹ Сперанский М.М. Письмо к А.А. Столыпину от 7 мая 1818 г. // Русский архив. 1871. Вып. 3. Стлб. 434.

²² 2 апреля 1834 г. А.С. Пушкин записал в свой дневник: «В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского... Сперанский у себя очень любезен. — Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага.* Он отвечал комплиментами и советовал мне писать *Историю моего времени*» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 томах. Том 12. Критика и автобиография. М., 1996. 323–324).

²³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 24. Л., 1982. С. 241.

Однако истинные взгляды М.М. Сперанского на пути, способы и средства реформ или, говоря иначе, — технология проведения государственных преобразований, которой он считал необходимым придерживаться, никоим образом не соответствовали рисовавшейся Карамзиным и Достоевским картине его реформаторской деятельности.

Интенсивно занимаясь разработкой планов и проектов разного рода государственных реформ и обладая вследствие этого стойкой репутацией или славой «реформатора», Сперанский на самом деле весьма скептически относился к способности спланированных, спроектированных преобразований изменить к лучшему общественную жизнь людей. «Вообще приметить должно, — отмечал он в одной из своих записок, — что всякая перемена без нужды и без видимой пользы есть вредна, так как все почти легкие средства в делах государственных по большей части суть средства ненадежные... Перемены могут быть на время блистательны, но со временем зло возрастает самым исправлением его»²⁴. В другой своей записке «реформатор» признавал: «Всякой степени гражданственности присвоены свои пороки и свои добродетели. Не решен еще спор, в которой из сих степеней народ счастливее» и после этого делал поразительное по своему трагическому прагматизму заявление: — СУДЬБА ОПРЕДЕЛИЛА ВСЕМ ОБЩЕСТВАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ МЕНЯТЬ ТОЛЬКО ПОРОКИ»²⁵.

Те, кто приписывали Сперанскому стремление пересадить на русскую почву французское гражданское право, явно не догадывались, что оно противоречит самым фундаментальным его воззрениям на право и правопорядок. «Учреждения наши, конечно, недостаточны, но их можно усовершенствовать и исправить, — писал он. — Но исправить гражданский и уголовный закон скоро почти нет никакой возможности... Есть ли бы и существовала в Европе система добрых законов в сей части, она не могла бы у нас скоро приведена быть в действие, ибо правый суд по необходимости предполагает не только просвещенных судей, но просвещенную публику, искусных

²⁴ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М.М. Проекты и записки. Л.-М., 1961. С. 138.

²⁵ Сперанский М.М. О постепенности усовершенствования общественного // Там же. С. 76.

законоведов, знающих стряпчих и методическое сей части учение; без сего самая лучшая система судоведения произведет одно только вредное действие новости»²⁶. В записке же «Введение к Своду гражданских законов», составленной перед началом работ по созданию Свода законов Российской империи, Михаил Михайлович счел необходимым заметить: «Уложения не изобретаются, но слагаются из прежних законов с дополнением и исправлением их сообразно нравам и обычаям и действительной потребности государства»²⁷.

Технология проведения государственных преобразований, продуманная М.М. Сперанским, опиралась на знание жизни, общественных реалий, понимание действительного состояния российской государственности. «Одно из главных правил лиц управляющих, — декларировал русский реформатор, — должно быть знать свой народ, знать время... Теории редко полезны для практики. Они объемлют одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуются на род человеческий»²⁸.

Бесплодность и даже вредность многих преобразований, проводимых государственной властью, проистекает часто не только из корыстного стремления властвующим укрепить свою власть за счет общества, незнания исторического опыта осуществления реформ, непонимания ими своего народа. Преобразования могут оказаться неэффективными вследствие отсутствия сил, способных последовательно их осуществить, или от невозможности переменить государственный порядок в течение обозримого времени.

М.М. Сперанский понимал общество как саморазвивающийся организм и вследствие этого считал самыми плодотворными реформами такие, которые проводятся при содействии самого общества и времени. Реформаторская задача государственной власти должна в этом случае сводиться лишь к устранению препятствий на пути поступательного развития общества, к поддержанию, а если

²⁶ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Там же. С. 122.

²⁷ Сперанский М.М. Введение к Своду гражданских законов // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. 1859. Кн. 2. С. 2.

²⁸ Сперанский М.М. О постепенности усовершенствования общественного // Там же. С. 76.

необходимо, к восстановлению нормальных условий общественной жизни.

Сперанского обвиняли в том, что он стремился на основе начертанных им умозрительных планов и проектов коренным образом переменить сложившееся в России в течение столетий правление. На самом деле Михаил Михайлович ясно сознавал невозможность за короткий срок и силами одной только государственной власти, какой бы могущественной она ни была, переменить государственный строй. «Надобно только сравнить образ управления монархического, — утверждал он, — с управлением, ныне в России существующим, чтоб удостовериться, что никакая сила человеческая не может сего последнего превратить в первое, не призвав в содействие время и постепенное всех вещей движение к совершенству»²⁹.

Вместе с тем Сперанский хорошо понимал, что государственная власть не должна проводить реформы бессистемно и бездумно, т.е. без продуманного заранее плана. «Отчего все человеческие установления столько несовершенны? — задавался он вопросом и отвечал: — Сверх многих других причин оттого, что все они делаются по большей части отрывками и без общего начертания. Нетерпеливость, людям столь естественная, обольщение разума видами народного счастья и скорейшего улучшения, чаяние, что поправив одну часть, дела пойдут лучше, все сие вводит нередко самые благоразумнейшие правительства в частные организации и не дает, так сказать, созреть общему плану»³⁰.

* * *

Продуманная и сформулированная М.М. Сперанским технология проведения государственных преобразований имеет особое значение для современной России.

Описывая в своей «Истории России с древнейших времен» состояние российской государственности и правосудия середины XVIII века, профессор Московского университета С.М. Соловьев

²⁹ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Там же. С. 138.

³⁰ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Там же. С. 111.

заметил: «При слове “суд” вздрагивал русский человек». После длительного периода, похожего на целую историческую эпоху, беспрестанных, хаотичных и непродуманных преобразований, слово «реформа» не может не восприниматься в России в качестве термина, обозначающего катастрофическое, пагубное для страны мероприятие государственной власти. И поэтому можно с полным основанием сказать, что в настоящее время при слове “реформа” «вздрагивает русский человек».

Происходящие на наших глазах в течение последних тридцати (!) лет катастрофические для общества и государства процессы были запущены, приведены в движение именно реформами. Экономические и политические реформы, осуществленные в СССР в конце 80-х годов XX века, стали одной из главных причин распада Советского государства. Социально-экономические реформы 90-х годов разрушили и социальность, и экономику России. Они создали такой способ распределения материальных благ, собственности и политической власти, который расколол общество на группы с прямо противоположными, антагонистическими интересами. И собственность, и власть оказались монополизированными узкой группой лиц, неспособных к эффективному их использованию в общественных интересах. В России снова появились олигархи и нищие, господа и слуги. Возродилась атмосфера гражданской войны. При сохранении существующего состояния нашего общества неудивительным будет, если у нас опять войдет в моду марксизм, а социалистическая революция по-ленински, то есть с «экспроприацией экспроприаторов» и с отстрелом «слугами» своих «господ», станет лозунгом какой-нибудь политической партии. Близится столетие революции, и 2017-й год настойчиво и настоятельно напоминает нам о величайшем своей трагичностью 1917-м.

Чрезвычайно неудачной стала проведенная в середине 2000-х годов реформа государственного аппарата. Разрушительными для системы воспитания граждан и подготовки специалистов оказались реформы в сфере образования, причем как школьного, так и высшего. Созданная усилиями реформаторов-либералов банковская и налоговая система страны превратилась в тяжелое и едва ли

преодолимое без новой реформы в этой сфере препятствие на пути поступательного развития промышленности и торговли.

Подобных примеров можно привести много. История России последней четверти столетия — это сплошная цепь не просто неудачных, а губительных для российского общества и государства реформ. Кто-то может усмотреть в этой закономерности нечто мистическое. На самом деле ничего мистического здесь нет: ее причины вполне объективны и их нетрудно обнаружить. Для этого достаточно задать вопрос: что объединяет все эти реформы? Ответ очевиден — их вопиющая неподготовленность, неспособность и неумение проводить какие-либо благотворные для населения страны преобразования.. Удивительно, но реформы, вносящие коренные перемены в экономические и политические устои нашего общества, в основополагающие государственные институты, проводились (и до сих пор проводятся) без продуманного плана, без разработанного, обсужденного и оцененного специалистами проекта, без учета всех возможных последствий нововведений. Складывается впечатление, что главной целью этих преобразований было не создание нового, более соответствующего интересам нашей страны экономического, культурного и политического порядка, но исключительно разрушение общественных и государственных устоев, сложившихся в советский период русской истории.

Общим результатом «реформ», проводившихся в последние двадцать пять лет, стало формирование в России уродливой общественно-политической системы, не способной обеспечить простым людям ни надлежащих гарантий личной безопасности и имущественной неприкосновенности, ни достаточного для нормальной жизни набора материальных и духовных условий. Исторический опыт показывает, что такая система не может существовать долго и обречена на скорый распад и гибель с самыми пагубными последствиями для живущих в ее рамках людей.

Очевидно, что избежать этого позволят лишь новые преобразования, но не такие, какие проводились до этого. *Необходимы реформы не разрушающие, а созидающие, возвращающие наше общество к нормальной жизни, причем во всех сферах — экономической, политической, духовной.*

2

Составленные М.М. Сперанским проекты государственных реформ были предназначены для решения множества проблем, с которыми столкнулась в то время Россия, но если все эти проблемы суммировать, то можно сказать, что Сперанский разрабатывал план **модернизации государственного строя Российской империи.**

Данная потребность является насущной и для современной России: существующее в ней государство ни по организации своей, ни тем более по кадровому составу не соответствует интересам страны, оно тормозит развитие ее экономики, губит ее культуру, низводит к примитивному уровню систему школьного и высшего образования, усыпляет и умерщвляет силы народные, лишая наше отечество достойного будущего.

По иронии исторической судьбы главный порок современного российского государства все тот же, каким страдала государственность Российской империи начала XIX века. Это **чрезмерная персонализация верховной государственной власти**, обуславливающая повышенное влияние недостатков людей, занимающих высшие должности, на внутреннюю и внешнюю политику государства. Исторический опыт показывает, что такое состояние государственности создает при определенных условиях опаснейшую угрозу существованию страны.

Модернизация государства и призвана в первую очередь если не искоренить окончательно, то существенно ослабить этот порок. Ее суть заключается в институционализации государственной власти, низводящей до минимума значение личного принципа в ее организации и функционировании. Процесс такой модернизации происходил во всех развитых странах при переходе общества от феодализма к капитализму. Он выражался в усилении публично-правовых начал в устройстве и функционировании государства, в появлении трактовки монарха не только как физической персоны, но и как политического тела. В Англии модернизация государственного строя произошла еще в XVI веке, в ходе реформ короля Генриха VIII³¹,

³¹ См.: Томсинов В.А. Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права. Сб. научных трудов / Отв. ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2009. С. 9–44. Томсинов В.А. Государственный строй

во Франции – в течение XVII века, в результате реформ кардинала Ришелье и короля Людовика XIV. Так называемые «буржуазные революции» 1640–1660 годов в Англии и 1789–1795 годов во Франции были в значительной мере реакцией на сформировавшееся в этих странах современное государство: они разбили его, но при этом не смогли создать вместо него сколько-нибудь устойчивую и эффективную систему государственной власти. Поэтому в Англии революция окончилась признанием законным королем сына казненного революционером Карла I и восстановлением монархии Стюартов, а во Франции по завершении революции пришлось заново формировать структуру современного государства. Выполнение этой задачи взял на себя Наполеон Бонапарт. Его реформы, создававшие устой современного государства, пришлись на начало XIX века.

Предпринятая в России в первые годы царствования императора Александра I попытка модернизации государственного строя не просто совпала по времени с государственными преобразованиями во Франции: она осуществлялась по таким же направлениям, по которым проводилась наполеоновская модернизация государственного строя. Александр I, как и Наполеон, стремился *в первую очередь* модернизировать бюрократию, создать новую организацию центрального и местного государственного управления. *Во-вторых*, в его намерения входило увенчать эти реформы принятием конституции. *В-третьих*, российский государь, как и французский император считал необходимым условием модернизации государственного строя всеобъемлющую систематизацию действующего законодательства.

Проекты государственных преобразований по первым двум направлениям разрабатывались первоначально в рамках так называемого «Негласного комитета» – тайного совещательного объединения, созданного Александром I вскоре после восшествия на престол. В его состав вошли молодые друзья молодого государя: граф Павел Александрович Строганов, Николай Николаевич Новосильцов, граф Виктор Павлович Кочубей и князь Адам Чарторижский.

«Негласный комитет» регулярно совещался с 24 июня 1801 года по 12 мая 1802 года (в этот период состоялось 36 его заседаний). Затем он более года не собирался. 26 октября 1803 года заседания молодого императора со своими друзьями возобновились и до 9 ноября 1803 года они заседали четырежды. После этой даты его величество более не звал их к себе для обсуждения реформ³².

Главная задача «Негласного комитета» была сформулирована на первом заседании, во время которого его участники согласились в том, что необходимо «прежде всего узнать действительное положение дел, затем реформировать различные части администрации и, наконец, увенчать эти различные институты гарантией, предложенной в конституции, созданной в соответствии с истинным духом нации»³³.

Члены «Негласного комитета» не отличались способностью воплощать политические идеи в конкретные преобразовательные проекты. Выполнить эту задачу призван был Сперанский. Непосредственно на заседания «Негласного комитета» попович не допускался. Поручения составить тот или иной проект передавал ему, как правило, граф В. П. Кочубей.

Среди множества начертанных по этим поручениям документов наиболее масштабным и значимым для модернизации государственного строя Российской империи был проект Манифеста «Об учреждении министерств», высочайше утвержденного 8 сентября 1802 года. Если судить по материалам «Негласного комитета», основную и завершающую работу над ним провел Н.Н. Новосильцов. Однако по сведениям современников, знавших, как на самом деле создавался этот документ, главным его творцом являлся молодой Сперанский. «Никто из пяти преобразователей не умел ничего написать, — отмечал в своих мемуарах Ф. Ф. Вигель. — Сперанский предложил им искусное перо свое и, принимая вид, как будто

³² Подробнее о деятельности «Негласного комитета» см.: *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. Издание 5-е, обновленное и дополненное. М., 2013. С. 96–103.

³³ *Résultat d'une conférence avec l'Empereur le 24 Juin 1801 // Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. В 3-х томах. СПб., 1903. Том 2. С. 61.* Текст этой записки и других документов, вошедших в указанную книгу, написан на французском языке.

собирает их мнения, соглашает их, приводит в порядок, действительно один составил проект учреждения министерств»³⁴.

К этому свидетельству следует добавить, что М.М. Сперанский не только начертал проект министерской реформы, но и принял активное участие в ее практическом осуществлении. В день, когда Манифест «Об учреждении министерств» был введен императором Александром I в действие, Сперанского назначили высочайшим указом состоять при Министерстве внутренних дел. 7 января 1803 г. он занял пост директора департамента, выполнявшего функции канцелярии при министре В.П. Кочубее. Именно Сперанский направлял все делопроизводство в Министерстве внутренних дел, которое являлось главным органом по разработке государственных преобразований, ведало не только охраной правопорядка, но в буквальном смысле всеми внутренними делами Российской империи³⁵.

Именно Сперанскому Александр I поручил в конце 1808 года составить общий план реформы российского государственного строя, предполагавший принятие конституции Российской империи, первой в русской истории. Михаил Михайлович завершит эту работу к началу октября 1809 года, изложив содержание плана в записках под названием «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по времени», «Краткое начертание государственного образования», «Введение к Уложению государственных законов» и

³⁴ Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1892. Ч. 2. С. 8. Свидетельство Вигеля об исключительной роли Сперанского в разработке проекта министерской реформы 1802 г. подтверждается и самим Михаилом Михайловичем, его мнениями об этом преобразовании, высказанными им в записках и письмах. В 1810-1811 гг. была проведена новая министерская реформа и ее проекты, главным из которых стало «Общее учреждение министерств», высочайше утвержденное 25 июня 1811 г., также писал Сперанский (см.: *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. С. 176-178).

³⁵ Иван Иванович Дмитриев дал в своих воспоминаниях следующую характеристику указанной деятельности молодого поповича: «При учреждении министерств Сперанский перешел в Министерство внутренних дел и находился при министре онаго, графе Кочубее. Он был у него самым способным и деятельным работником. Все проекты новых постановлений и ежегодные отчеты по министерству были им писаны» (*Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 197).

сделав набросок проекта конституции – «Проект уложения государственных законов Российской империи»³⁶.

Третье направление в политике модернизации государственного строя России, предполагавшее систематизацию действующего законодательства и принятие серии уложений – гражданского, уголовного, торгового, морского, уставов гражданского и уголовного судопроизводства, «устроения судебных мест», сводов для губерний Остзейских и Малороссийских – должно было осуществляться в проектах, разрабатывавшихся в рамках Комиссии составления законов, учрежденной 28 февраля 1804 года³⁷. 20 декабря 1808 года данная комиссия перешла в ведение М.М. Сперанского, назначенного за четыре дня до этого товарищем министра юстиции.

В последующей деятельности комиссии составления законов наибольшее значение для политики модернизации государственного строя имели работы по составлению проекта Гражданского уложения Российской империи. Ведущую роль в них играл М.М. Сперанский, считавший наличие Гражданского уложения необходимым условием нормальной жизни российского общества и предпосылкой его политической конституции³⁸. В составленной осенью 1802 года записке о трудах по систематизации российского законодательства, проводившихся на протяжении всего XVIII века, он писал: «Из общего плана внутреннего государственного управления, выше изображенного, видно, что Уложение есть часть государственного постановления или конституции, содержащая в себе общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу. Из сего следует, что Уложение должно быть основано на

³⁶ Полные тексты этих документов см. в издании: *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 143–240.

³⁷ См. об этом: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой четверти XIX века. М., 2010. С. 203–211.

³⁸ О разработке М.М. Сперанским в 1809–1811 гг. проекта Гражданского уложения см.: *Томсинов В.А.* Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство. 2014. № 10. С. 88–94. № 11. С. 88–94. № 12. С. 88–94. 2015. № 1. С. 88–94.

существующих правах народа или, по крайней мере, должно предполагать их существующими»³⁹.

К этим словам Михаил Михайлович сделал весьма интересную оговорку, показывающую, что гражданскому уложению он придавал *конституционное значение* и связывал с ним форму правления, основанную на принципах законности и уважения прав граждан. «В правлении самовластном, — отметил он, — не может быть Уложения, ибо где нет прав, там не может быть и постоянных их между собою отношений. То, что называется Уложением и законом, в сих правлениях не что другое есть, как произвольное постановление власти предержащей, предписывающее взаимные граждан обязанности на известное время, доколе воля самовластная не рассудит переменить их или иным образом ограничить. Напротив, правления законные не могут быть без Уложения, ибо в правлениях законных права граждан непоколебимы, а права непоколебимы быть не могут, если не установятся между ими неперемные отношения. Отсюда следует, что в сих правлениях Уложение есть закон фундаментальный и неперемный, ибо нельзя переменить отношений прав без потрясения их самих»⁴⁰.

Государственный строй современной ему России Сперанский считал строем самовластия, при котором конституция и гражданское уложение могли быть только по названию конституцией и уложением, но не по действительной своей сущности. Оценивая состояние российского государства и общества, он считал необходимым подчеркнуть: «Вот заблуждение, в которое впадают ежечасно наши площадные политики, когда позволяют себе умствовать о России. У нас все есть по наружности, и ничто, однако же, не имеет существенного основания. Если монархическое правление должно быть нечто более, нежели призрак свободы, то, конечно, мы не в монархическом еще правлении»⁴¹.

³⁹ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 21.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 43.

Для такого утверждения имелись все основания. Часть их привел в своих рассуждениях о сословиях российского общества сам Сперанский, заявив следующее: «В самом деле, не говоря уже о тщетности политического бытия разных государственных мест, что такое есть самое дворянство, когда лицо его, имение, честь — все зависит не от закона, но от единой воли самодержавной; не от сей ли воли зависит и самой закон, которой она созидает, одна сама собою? Не может ли она возводить и низводить дворянские роды единым своим хотением? Не она ли созидает суды, определяет высших судей, дает им правила и правила сии отменяет, или утверждает, по своему изволению? Не в ней ли источник чести и уважения; не ей ли принадлежат по самым словам закона все государственные богатства, все земли, все имущества и право частных собственности; не есть ли право его только дозволенное; владельцы сии не суть ли ее наемники (usufruitiers)?»⁴².

Высказав пожелание, чтобы кто-нибудь показал различие между зависимостью крестьян от помещиков и дворян от государя и опроверг мнение о том, что государь имеет на помещиков такое же точно право, какое помещики имеют на своих крестьян, Сперанский завершил свою оценку состояния современной ему российской государственности словами, похожими на жестокий приговор: «Итак, вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»⁴³.

Риторические вопросы, заданные им после этих слов, как бы ставили точку безнадежности в данном приговоре: «При таком разделении народа в отношении к престолу, каким образом можно думать о каком-нибудь образе правления, о каких-либо коренных законах — какие пределы можно положить между двумя сторонами, из коих одна имеет все роды сил, а другая не имеет ничего? Какие пределы положить между бытием и ничтожеством, между божеством

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

и его созданием — не всегда ли сие последнее будет то, чем быть ему повелит первое? И после сего мы думаем о грамотах российскому народу»⁴⁴.

Как известно, взгляд на гражданский кодекс как на необходимый элемент конституционного строя был присущ французским революционерам. Он был выражен в конституции Франции, принятой в 1791 году. Первый раздел этой конституции, посвященный гарантированным ею основным положениям, завершался утверждением: «Будет издан кодекс гражданских законов, общих для всего королевства»⁴⁵. И действительно, в августе 1793 года в Конвент Французской республики был внесен первый проект Гражданского кодекса французов, спустя год с небольшим — второй. Эти проекты не были приняты, но не потому, что французские революции решили, что современному государству можно обойтись без гражданского кодекса. Напротив, протоколы их обсуждения показывают, что они не прошли Конвент именно из-за того, что им придавалось повышенное значение в устройстве общества и государства. Вследствие этого члены Конвента считали неприемлемым вводить в действие несовершенные проекты гражданского кодекса.

М.М. Сперанский, связывая гражданское уложение с конституционным строем государства, считал, в отличие от французских революционеров, что не уложение должно вытекать из конституции, а напротив, конституция опираться на гражданское уложение.

Задавая вопрос, может ли Уложение предшествовать общему государственному постановлению, он отвечал: «Не только может, но и должно там, где нет сего постановления, ибо, утверждая отношения прав между гражданами, тем самым врезывает оно во мнение народное самые права — а мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции... Уложение может приготовить путь к нему и расположить ум народный»⁴⁶.

⁴⁴ Там же. С. 43–44.

⁴⁵ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель В.А. Томсинов. М., 2018. С. 165.

⁴⁶ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 21.

Приведенное высказывание свидетельствует о том, что Сперанский усматривал в явлениях, обозначаемых терминами «гражданский кодекс» и «конституция», более глубокий смысл по сравнению с тем, который под ними обыкновенно подразумевают. И это не удивительно: Сперанский смотрел на них не только как правовед, но и как реформатор. Соответственно для него это были не только своды гражданско-правовых и конституционно-правовых норм, но также инструменты модернизации государственного строя и одновременно фундаментальные устои обновленной государственности.

Среди интеллектуалов Западной Европы и США второй половины XVIII – начала XIX века доминировал взгляд на конституцию как на документ высшей юридической силы, регулирующий взаимоотношения властей между собой, гарантирующий соблюдение гражданских прав и свобод, обеспечивающий защиту народа от произвола властей преобладающих⁴⁷.

Подобное представление о назначении конституции было присуще и молодым друзьям Александра I, составившим «Негласный комитет». Среди бумаг самого, пожалуй, активного его члена графа П.А. Строганова сохранилась записка «О состоянии нашей конституции»⁴⁸, в которой объяснялось значение слова «конституция». «По моему мнению, – говорилось в ней, – конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может их осуществлять. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь гарантию, чтобы посторонняя власть не препятствовала их осуществлению. Если такой гарантии не существует, цель осуществления этих прав, которому препятствует каждая мера правительственной власти, будет противоречить истинному национальному интересу; эта цель, говорю я, будет отсутствовать, и тогда

⁴⁷ Такое взгляд на конституцию был выражен, в частности, Конституцией США, принятой в 1787 г. В статье 6 этого документа говорилось: «Настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение ее, и все договоры, которые заключены или будут заключены властью Соединенных Штатов, становятся верховным правом страны; и судьи в каждом из штатов обязаны следовать этому праву, какими бы ни были положения Конституции или законов любого из штатов» (Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. С. 150).

⁴⁸ Эта записка не датирована, но можно уверенно предполагать, что она составлена весной 1801 г., во всяком случае незадолго до того, как начались заседания «Негласного комитета».

можно будет сказать, что здесь нет конституции. Конституцию можно разделить на три части: установление прав, способ осуществления их и гарантия»⁴⁹.

В другом месте своей записки П.А. Строганов отмечал: «Благополучие людей заключается в гарантиях собственности и свободы делать все, что не может быть вредным другому. Способ обеспечения пользования ими закрепляется в административных нормах. Охранителями этих административных норм являются основные законы государства или, говоря иначе, конституция. Конституция есть закон, регулирующий метод, который надлежит соблюдать в выработке административных законов, каковые по необходимости, прежде чем подвергаться модификациям, толкованиям и т.д., должны претерпевать эти изменения согласно известному, закреплённому, неизменяемому способу, закрывающему дверь всякому произволу, и, следовательно, уменьшающему зло, которое может появиться из различия способностей лиц, стоящих во главе государства. Вот что я понимаю под конституцией»⁵⁰.

М.М. Сперанский также понимал конституцию в качестве закона имеющего высшую силу в государстве и неизменяемого по воле властителей. Во «Введении к Уложению государственных законов»,

⁴⁹ «A mon avis, une constitution est la reconnaissance légale des droits d'une nation et les formes dans lesquelles elle peut les exercer. Pour assurer ensuite la validité de ces droits, il doit exister une garantie à ce qu'un pouvoir étranger ne puisse pas empêcher l'effet de ces droits. Si cette garantie n'existe pas, le but de l'usage de ces droits, qui est d'empêcher qu'aucune mesure du gouvernement puisse être prise à l'encontre du véritable intérêt national, ce but, dis-je, serait manqué, et alors on pourrait dire qu'il n'y a point de constitution. On peut donc diviser la constitution en trois parties: l'établissement des droits, la manière d'en faire usage et la garantie» (De l'état de notre constitution // Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов. С. 40).

⁵⁰ «Le bonheur des hommes consiste dans la sûreté de sa propriété et la liberté d'en faire tout ce qui ne peut pas être nuisible à autrui. La manière d'assurer cette jouissance est dans les règlements de l'administration. Les gardiens de ces règlements de l'administration sont les lois fondamentales de l'Etat ou, autrement dit, la constitution. La constitution est la loi qui règle la méthode à observer dans la confection des lois administratives, qui nécessairement, devant éprouver des modifications, des explications etc., doivent subir ces changements d'après un mode connu, fixé, invariable, qui ferme la porte à tout *arbitraire* et, par conséquent, amoindrisse le mal qui peut provenir de la différence de capacités de ceux qui sont à la tête de l'Etat. Voilà ce que j'entends par une constitution» (там же. С. 41).

представленном императору Александру I в 1809 году, он заявлял: «Общий предмет преобразования состоит в том, чтоб правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе»⁵¹. Спустя четыре года, характеризуя в письме его величеству предлагавшийся им проект реформы государственного строя Российской империи, Михаил Михайлович повторил эту мысль другими словами: «Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы»⁵².

Представленная им государю вместе с «Введением к Уложению государственных законов» записка «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» начиналась с утверждения: «Сила всех преобразований состоит в том, чтобы постановить образ правления империи на непременимом законе, дать внутреннее политическое бытие России». После этих слов говорилось: «Для сего надлежало прежде всего определить разум коренных государственных законов, т.е. начертать план конституции»⁵³.

Обосновывая необходимость принятия в России таких законов, Сперанский писал во «Введении к Уложению государственных законов»: «Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия?»⁵⁴

Подобные высказывания Сперанского, если их воспринимать как отдельные мысли, вполне можно расценить в качестве явного свидетельства того, что и он считал конституцию надежной гарантией

⁵¹ Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 164.

⁵² Сперанский М. М. Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.) // Русский архив. 1892. Кн. 1. Вып. 1. С. 52.

⁵³ Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 231.

⁵⁴ Там же. С. 163.

соблюдения гражданских прав и свобод, защиты народа от произвола властей предрежащих. Однако Сперанский не был кабинетным ученым, изучающим конституцию с целью познания ее сущности. Явление, называемое конституцией, интересовало его не с научной, а с практической точки зрения.

Модернизация государственного строя Российской империи была невозможна при сохранении той степени персонализации верховной государственной власти, которая называлась самовластьем. «Верховное начало в России, — отмечал Сперанский в 1803 году в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», — есть государь самодержавный, соединяющий в особе своей власть законодательную и исполнительную и располагающий неограниченно всеми силами государства. Начало сие не имеет никаких вещественных пределов»⁵⁵. Характеризуя Сенат, Государственный совет и министерства в составленной годом ранее записке «Размышления о государственном устройстве империи», Михаил Михайлович подчеркивал, что ни одно из этих мест не имеет прав и преимуществ, свойственных государственным установлениям и не может быть признано «телом политическим», поскольку собственной политической силы не имеет, но всецело зависит, и в бытии и в действии, от воли самодержца. При этом им внушалась мысль о том, что именно господство в устройстве государственной власти личного начала не позволяет создать в стране нормальный государственный строй и установить прочный правопорядок. «Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, — утверждал он, — закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предрежащая быть ему повелит»⁵⁶.

Очевидно, что ослабить персонализацию верховной государственной власти и соответственно усилить ее институционализацию было невозможно без установления конституционного строя. Но взгляд на конституцию с практической точки зрения неизбежно порождает вопрос о том, **насколько надежным средством**

⁵⁵ Там же. С. 118.

⁵⁶ Сперанский М.М. Размышления о государственном устройстве империи // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 56.

обуздания личного произвола правящих и ограничения влияния пороков властвующих на внутреннюю и внешнюю политику государства она может быть. И Сперанский задавался этим вопросом. «Каким образом, — вопрошал он, — коренные законы государства соделать столько неподвижными и непрменяемыми, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела?»⁵⁷

Как же отвечал на этот вопрос выдающийся русский мыслитель-реформатор? «Понятия о конституциях, — заявлял он, — суть порождения новой философии, столь же, по мнению нашему, бесполезные, как и все теории, на грезах воображения возвращенные и никогда события своего не достигающие. По крайней мере я должен из сего заключить, что, изучаясь древней философии, привыкнув размышлять с Аристотелем, Гроцием и Пуффендорфом, вы проникли во все изгибы и новых примечателей, познали всю неосновательность Монтескиев, Блакстонов и прочих сего рода поверхностных умов; что теряли свое время, трудясь в течение целой жизни над несколькими листами их сочинений, вы постигли и заблуждения их и нелепость их правил и глубокими размышлениями проложили себе прямой и собственный путь к истине»⁵⁸.

Что означали эти слова, о чем хотел сказать нам М.М. Сперанский?

3

Французский мыслитель Шарль-Луи Монтескье (1689–1755) высказал немало полезных идей о законах и технологии осуществления государственных преобразований. «Законодатель должен следовать духу народа, если это не противоречит принципам правления, потому что мы не делаем ничего лучше того, что делаем свободно, сообразно нашему природному гению»⁵⁹, — писал он в 5-й

⁵⁷ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Там же. С. 29.

⁵⁸ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения // Там же. С. 20.

⁵⁹ «C'est au Législateur à suivre l'esprit de la Nation, lorsqu'il n'est pas contraire aux principes du Gouvernement; car nous ne faisons rien de mieux que ce que nous faisons librement, et en suivant notre génie naturel» ([Montesquieu Ch.-L.] De L'Esprit des Loix ou du Rapport que les Loix doivent avoir avec la Constitution de chaque Gouvernement,

главе 19-й книги самого знаменитого своего произведения «О духе законов», впервые напечатанного в 1748 году в Женеве, без указания автора. Императрица Екатерина II воспроизвела эту мысль Ш.-Л. Монтескье в своем «Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», правда, в несколько измененной формулировке: «Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности»⁶⁰.

В 11-й главе 19-й книги указанного произведения Монтескье счел необходимым заметить: «Я говорил это совсем не для того, чтобы уменьшить бесконечное расстояние между пороками и добродетелями: упаси, Боже! Я хотел только дать понять, что не все политические пороки являются пороками моральными, и не все моральные пороки являются политическими пороками; и это есть то, что не должны игнорировать те, кто издаёт законы, оскорбляющие общий дух»⁶¹. В «Наказе» императрицы Екатерины II эта мысль получила следующее выражение: «Предложенное МНОЮ здесь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить бесконечное расстояние находящееся между пороками и добродетелями. Боже сохрани! Мое намерение было только показать, что не все политические пороки суть пороки моральные, и что не все пороки моральные суть политические пороки. Сие непременно должно знать, дабы воздержаться от узаконений с общим народом умствованием неуместных»⁶².

les Moeurs, le Climat, la Religion, le Commerce, & à quoi l'Auteur a ajouté De recherches nouvelles sur les Loix Romaines touchant les Successions, sur les Loix Françaises, et sur les Loix Féodales. Tome Premier. A Genève, 1748. P. 484).

⁶⁰ Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под редакцией и с предисл. В. А. Томсинова. Библиография: проф. У. Э. Батлер. М.: Зерцало, 2008. С. 37.

⁶¹ «Je n'ai point dit ceci pour diminuer rien de la distance infinie qu'il y a entre les vices et les vertus: à Dieu ne plaise! J'ai seulement voulu faire comprendre que tous les vices politiques ne sont pas des vices moraux, et que tous les vices moraux ne sont pas des vices politiques; et c'est ce que ne doivent point ignorer ceux qui font des Lois qui choquent l'esprit général» ([*Montesquieu Ch.-L.*] De L'Esprit des Loix. P. 490).

⁶² Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. С. 36–37.

Полный текст «Наказа, данного Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» состоял из 655 статей, 294 из них были сформулированы на основе трактата Ш.-Л. Монтескье «О духе законов». В одном из писем к французскому философу-энциклопедисту Жану Д'Аламберу Екатерина II признавалась, что при написании «Наказа» «обобрала» Монтескье на пользу своей империи.

Сперанский вполне разделял мысль Ш.-Л. Монтескье о необходимости при проведении реформ и соответственно издании законов учитывать особенности народного духа. Среди его произведений сохранилась записка «О силе общественного мнения», специально посвященная такому явлению, как народный дух. «Во всех государствах, идущих к просвещению, — писал он, — сверх силы законов и правительства, устанавливается с течением времени нечувствительно особенный род силы, коей действие над умами вначале слабое, мало-помалу расширяясь, делается, наконец, главною стихиею политического бытия и определяет судьбу человеческих обществ. Зачинаясь в тайне личного самолюбия, возрастая по мере сопряжения личных польз с общественными, образуясь положением государства, сила сия вскоре появляется среди обществ человеческих со всеми признаками могущества, часто непреодолимого и всегда уважаемого. Иногда, поборая законам и правительству, иногда им противодействуя, она низвергает государства или служит им утверждением»⁶³. Указав далее, что этой силой выступает сила общего мнения, Сперанский подчеркнул: «*Общее мнение или дух народный* есть внутреннее убеждение большей части людей в каком-либо политическом или гражданском предмете происходящее, или от долговременной привычки, или от предрассудка, или от постоянного действия климата, правительства и закона»⁶⁴.

М.М. Сперанский был согласен и с высказанной Ш.-Л. Монтескье мыслью о взаимосвязи монархического правления с существованием привилегированных сословий. «Монархическое правление, как мы сказали, — писал французский мыслитель в 7-й главе 3-й книги

⁶³ Сперанский М.М. О силе общего мнения // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 77.

⁶⁴ Там же.

трактата «О духе законов», – предполагает преимущества, ранги и даже родовую знать. Природа чести требует привилегий и отличий; поэтому она сама собой находит себе место в этом правлении»⁶⁵. В 4-й же главе 2-й книги Монтескье сформулировал короткое правило, выражавшее, по его мнению, сущность монархии и секрет долговременной устойчивости и живучести монархическому государству: «нет монарха – нет дворянства, нет дворянства – нет монарха, но есть деспот»⁶⁶.

В записке «О коренных законах государства», датированной 1802 годом, Михаил Михайлович назвал это изречение Шарля-Луи Монтескье «великой истиною великого человека»⁶⁷. Но почему же тогда в другой своей записке – «О коренных законах государства», начертанной в том же году, Сперанский отнес Монтескье к роду неосновательных и «поверхностных умов»?

Думается, поводом для негативной оценки Монтескье стали прежде всего те выводы, которые он сделал из описанного им в 6-й главе 11-й книги трактата «О духе законов» государственного устройства Англии. Французский мыслитель представил это устройство воплощением политической свободы и основания ее обнаружил ни в чем ином, как в самой английской конституции. Монтескье увидел в ней такое разделение государственных властей – законодательной, исполнительной и судебной – которое позволяло им сотрудничать и в одновременно взаимно сдерживать друг друга. «Если в одном и том же лице или органе магистратуры власть законодательная будет соединена с властью исполнительной, – писал он, – то свободы не будет; потому что возникнет опасение в том, что этот самый монарх или же сенат станет издавать тиранические законы, чтобы так же тиранически их применять. Не будет свободы и в том случае, если власть судить не будет отделена от власти

⁶⁵ «Le Gouvernement Monarchique suppose, comme nous avons dit, des prééminences, des rangs, et même une Noblesse d'origine. La nature de *l'honneur* est de demander des préférences et des distinctions; il est donc, par la chose même, placé dans ce Gouvernement» ([Montesquieu Ch.-L.] De L'Esprit des Loix. P. 39).

⁶⁶ «Point de monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de monarque; mais on a un despote» (ibid. P. 24).

⁶⁷ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 42.

законодательной и исполнительной. Если она окажется соединенной с властью законодательной, то власть над жизнью и свободой станет произвольной, ибо судья будет законодателем. Если же она соединится с властью исполнительной, то судья получит возможность стать угнетателем»⁶⁸.

Сперанский не мог согласиться с утверждением, что для обуздания произвола властвующих и обеспечения соблюдения ими законов достаточно конституции, предусматривающей особым образом устроенное разделение властей. Поэтому сделав похвальное замечание в адрес Монтескье за высказанную в трактате «О духе законов» идею о взаимосвязи монархии и родового дворянства, Михаил Михайлович подверг резкой критике сформулированную им на основе английского политического опыта мысль о способности особым образом организованного разделения властей ограничить произвол верховного властителя. «Естьли бы Англия не имела других пределов своего правительства, кроме видимого властей ее разделения, она была бы государство деспотическое со всеми своими парламентами и их славными спорами»⁶⁹, — указал он в записке «О коренных законах государства», добавив для пояснения этих слов следующее суждение: «Те весьма ошибаются, кои думают, что в Англии закон потому только тверд, что в охранении его все государственные состояния участвуют, что парламент от государя столько же зависит, как и он от парламента, и что, наконец, все силы потому друг друга равновесят, что все они слиты воедино образом правления. В самом деле, что может воспрепятствовать английскому королю обратить всю массу вверенных ему сил на испровержение английской свободы? Кому дает он отчет в части исполнительной? Не признан ли он конституциею ни ошибке, ни ответу, ни суду не

⁶⁸ «Lorsque, dans la même personne ou dans le même corps de magistrature, la puissance législative est réunie à la puissance exécutive, il n'y a point de liberté; parce qu'on peut craindre que le même monarque ou le même sénat ne fasse des lois tyranniques pour les exécuter tyranniquement. Il n'y a point encore de liberté si la puissance de juger n'est pas séparée de la puissance législative et de l'exécutive. Si elle était jointe à la puissance législative, le pouvoir sur la vie et la liberté des citoyens serait arbitraire: car le juge serait législateur. Si elle était jointe à la puissance exécutive, le juge pourrait avoir la force d'un oppresseur» ([Montesquieu Ch.-L.] De L'Esprit des Loix. P. 244–245).

⁶⁹ Сперанский М.М. О коренных законах государства . С. 32.

подлежащим? особа его не есть ли священна и неприкосновенна даже и тогда, когда бы он себе позволил деяния тиранские?»⁷⁰.

Для иллюстрации сказанного Сперанский привел факты насилия английского короля Генриха VIII в отношении народной свободы, прав собственности, общественных нравов и устоев церкви, отметив, что все они совершались «под защитою и покровительством самого парламента». При этом он сослался на высказанное знаменитым английским правоведом Уильямом Блэкстоуном мнение о том, что народ Англии, хотя и обладает многими правами и свободами, может противостоять королю в случае, если он вздумает их отменить или нарушить, только одно средство — бунт. Однако «средство сие, — заметил Сперанский, — и без конституции иметь можно»⁷¹.

Не принял русский мыслитель-реформатор также идеи Монтескье о том, что соблюдение конституции и ограничение произвола верховного властителя можно обеспечить уже одним сохранением сословных привилегий. Французский философ полагал, что обладавшие привилегиями аристократы, дворяне, священники, горожане смогут воспрепятствовать распространению произвола носителей государственной власти, «подобно тому как море, готовое, кажется, затопить всю землю, останавливается, встретив на своем пути травы и крошечные камешки, рассыпанные по его берегам»⁷².

Сперанский же, ссылаясь на исторический опыт, утверждал, что «внешний образ правления, как бы ни был он составлен, если не утвержден он на внутреннем, не может дать неподвижного основания законам»⁷³. К этим словам Михаил Михайлович приписал: «Из сего видно, как много те ошибаются, кои думают, что права, разным состояниям дарованные, или преимущества, разным сословиям судебным или и законодательным данные, могут соделать законы твердыми или установить образ правления — ето⁷⁴ здание, воздвигнутое на песке... Тщетно писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действи-

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 33.

⁷² [Montesquieu Ch.-L.] De L'Esprit des Loix. P. 25.

⁷³ Сперанский М.М. О коренных законах государства . С. 33.

⁷⁴ Так в оригинале. — В.Т.

тельной государственной силе. Они могут быть превосходны, но никогда не будут самостоятельны»⁷⁵.

* * *

В своих суждениях о конституции, средствах и способах обеспечения ее соблюдения М.М. Сперанский учитывал опыт конституционного развития ведущих мировых держав — Англии, США, Франции, Германии. Идея конституции как высшего закона страны, выражающего волю народа, устанавливающего правовые основы общественного и государственного строя и ограничивающего произвол верховной государственной власти, являлась доминирующей в политико-правовой идеологии этих стран в конце XVIII – начале XIX века⁷⁶. Все они переживали в то время переломные моменты в своей истории — революции, перевороты, реформы — и перед ними стояла задача формирования нового государственного строя или, по меньшей мере, коренного обновления старого политического порядка, сложившегося в предыдущие столетия. Такое явление, как политическая конституция, приобретало в этих условиях

⁷⁵ Сперанский М.М. О коренных законах государства . С. 33.

⁷⁶ Немецкий историк Вольфганг Шмаль отмечает в статье «Франция, Германия и конституция (1789–1815)», что «во Франции XVIII века, и особенно после переворота Мопу (имеется в виду Рене Николя Мопу, канцлер Франции в 1768–1790 гг. — В.Т.) в 1771 году, термин “конституция” стал главным словом (дословно: un mot-thème — словом-темой) в политическом и юридическом дискурсе. В 1789 году термин “конституция” был не только главным словом среди других, но это слово и идея приобрели ключевую роль в юрико-политической идеологии (Dans la France du XVIII siècle, et surtout après le “coup d’État” de Maupeou en 1771, “constitution” est devenu un mot-thème du discours politique et juridique. En 1789, “constitution” n’était pas seulement un mot-thème parmi d’autres, mais ce mot — et l’idée — avait acquis le rôle d’une clef de voûte de la pensée juridico-politique)» (Schmale W. La France, L’Allemagne et la constitution (1789–1815) // Annales historiques de la Révolution française. 1991. No. 286 (Octobre-Décembre). P. 462). В Германии термин «конституция (Verfassung)» также часто использовался в конце XVIII – начале XIX в. в политических речах, хотя и в другом содержании, чем во Франции. Под конституцией германские правоведы и политики понимали в то время совокупность юридических доктрин и норм, регулирующих отношения между государствами, составляющими Священную Римскую империю, между императором и монархами, между церковной и светской властями и т.д. В Северной Америке идея конституции стала популярной с началом борьбы колоний за независимость от Великобритании. С принятием в 1787 г. Конституции США эта идея оказалась центральной в американской политико-правовой идеологии.

повышенное значение: ей придавалась роль модели нового или обновленного государственного строя. Вместе с тем в конституции видели надежное средство легитимизации этого строя.

Федеративного североамериканского государства фактически не существовало в сентябре 1787 года, когда была принята Конституция США: оно было создано после вступления в силу данной конституции и по начертанному в ней проекту устройства системы государственной власти.

Подобным же образом и во Франции сначала принималась конституция, а потом на ее основе создавался новый государственный строй или делалась попытка его создания. Предпринятые во Франции усилия создать новое государство на основе конституций 1791, 1793 и 1795 годов не увенчались успехом, но Конституция 1799 года, принятая после государственного переворота, приведшего на вершину государственной власти Наполеона Бонапарта, стала вполне успешным проектом нового государственного строя, названного историками «консулатом»⁷⁷. В 1804 году консулат был преобразован в империю, и в данном случае новый государственный строй также был создан по модели, воплощенной в конституции: она была издана 18 мая (28 флореаля XII года Республики) в форме «Органического сенатус-консульта»⁷⁸.

Конституция США после ее принятия 17 сентября 1787 года Конвентом прошла процедуру ратификации в legislatures штатов⁷⁹. Это позволило представить ее в виде выражения народной воли, подтвердив тем самым слова преамбулы: «Мы, народ Соединенных Штатов... провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки». Установление же государственного строя консулата и империи во Франции было

⁷⁷ См. об этом, например: *Thier A. Histoire du Consulat et l'Empire faisant suite à l'Histoire de la Révolution française. Paris, 1845. T. 1-4.*

⁷⁸ См.: *Органический сенатус-консульт 28 флореаля XII года Республики // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель В.А. Томсинов. М., 2018. С. 241-246.*

⁷⁹ 21 июня 1788 г. Конституцию США ратифицировал девятый штат (Нью-Гемпшир), что позволило Конгрессу США своей резолюцией, принятой 13 сентября того же года ввести ее действие. Завершилась же ратификация Конституции США только 29 мая 1790 г., когда ее признал штат Род-Айленд.

утверждено прямым волеизъявлением народа, выраженным в форме плебисцита.

Сперанский также видел в явлении, называемом политической конституцией, модель нового или обновленного государственного строя — инструмент для превращения верховной государственной власти персоналистского характера, предполагающего определяющее влияние личности ее носителя на ход государственных дел, в институционную государственную власть, при которой главная роль принадлежит не властвующим персонам, а составляющим эту власть институтам, принципам, юридическим нормам. Вместе с тем одним из важнейших предназначений конституции Михаил Михайлович считал придание легимности государственной власти. «Мы уже отметили, — писал он в записке «О коренных законах государства», — что всякое законное на земли правительство должно быть основано на общей воле народа»⁸⁰.

В понимании Сперанского это означало, что конституция должна была исходить не от верховной государственной власти, а от народа. В заметках, посвященных Комиссии по составлению уложения, он следующим образом объяснил это требование: «Во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творением народа, ибо ни в одном из них без противоречия предположить невозможно, чтоб народ доверил тому самому лицу определять пределы власти, для коего они полагаются, ибо пределы власти не могут быть в ее середине»⁸¹.

Очевидно, что в данном случае подразумевалось лишь одобрение народом проекта конституции, заранее составленного по поручению верховной государственной власти. Над таким проектом как раз и работал Сперанский с конца 1808 года. И эта работа была грандиозным научно-исследовательским трудом, предполагавшим изучение сущности государственных законов, выработку основных понятий государственного права. «Чтобы определить план Государственного уложения, надлежит прежде всего составить

⁸⁰ Сперанский М.М. О коренных законах государства . С. 34.

⁸¹ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 22.

истинное понятие вообще о законах государственных»⁸², — заметил он в начале «Введения к Уложению государственных законов». И содержание этого сочинения действительно более похоже на научный трактат, нежели на вводную часть конституции Российской империи.

Излагая в записке «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» указанный план, Сперанский называет его «разумом коренных государственных законов», сообщая, что в нем «определяются следующие существенные предметы:

I. Права державной власти.

II. Права престола и его наследства.

III. Образ составления законов, их сила и действие.

IV. Права подданных. Разделение состояний. Означение прав политических каждого состояния и общих прав гражданских из них проистекающих.

V. Законы органические, то есть устройство тех установлений, коими закон составляется и исполняется»⁸³.

Как известно, для европейских интеллектуалов XVIII столетия было характерно представление о конституции как воплощении разума. Генри Болингброк, например, давал следующее определение этого явления: «Под конституцией мы подразумеваем, когда говорим правильно и точно, ту совокупность законов, институтов и обычаев, которая происходит из неких неизменных принципов разума, направленных на некие установленные объекты общественного блага, составляющие общую систему, в соответствии с которой общество согласилось управляться»⁸⁴. При этом английский мыслитель и политический деятель утверждал, что «Управлять обществом свободных людей посредством конституции, основанной на вечных правилах здравого смысла и направленных на содействие счастью всех

⁸² Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 144.

⁸³ Сперанский М.М. Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 232.

⁸⁴ «By constitution we mean, whenever we speak with propriety and exactness, that assemblage of laws, institutions and customs, derived from certain fixed principles of reason, directed to certain fixed objects of public good, that compose the general system, according to which the community hath agreed to be governed» (*Bolingbroke H. A Dissertation upon Parties // The Works of Lord Bolingbroke. Vol. 2. Philadelphia, 1841. P. 88*).

и каждого индивида, является благороднейшей прерогативой, каковая только может принадлежать человечеству»⁸⁵.

М.М. Сперанский, хотя и употреблял весьма часто в своих политических и юридических произведениях слово «разум», понимал под ним не какие-то неизменные принципы разума или вечные правила здравого смысла, но прежде всего закономерности организации и жизнедеятельности общества, его правовой жизни, устройства и функционирования государства.

Придавая конституции значение модели нового или обновленного государственного строя, по которой должны были совершаться государственные преобразования, он не допускал мысли о том, чтобы насильно подгонять под нее реальную жизнь общества и государства. Предложенная им технология осуществления государственных преобразований предполагала *не уничтожение прошлого ради будущего, но сохранение его в будущем, не скачок из старого состояния в новое, а постепенное переселение в него.*

Правило, похожее более на рекомендацию, сформулированное Сперанским на основе этой идеи, гласило: **«Переход от настоящих установлений к новым так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, естли бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия»**⁸⁶.

Столь осторожный подход к осуществлению государственных преобразований не был следствием нерешительности Сперанского. Он всего лишь отражал понимание им печальной истины: знание людьми закономерностей, по которым живет общество, устраивается и действует государство, носит весьма ограниченный характер. Поэтому любой реформатор уже по одной этой причине рискует потерпеть неудачу и нанести преобразованиями непоправимый вред своей стране. Однако на практике те или иные реформы чаще всего

⁸⁵ «To govern a society of freemen by a constitution founded on the eternal rules of right reason, and directed to promote the happiness of the whole, and of every individual, is the noblest prerogative which can belong to humanity» (ibid. P. 91)

⁸⁶ Сперанский М.М. Общее обозрение всех преобразований и распределение их по времени // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 233.

диктуются совсем не знанием реального состояния страны, а интересами господствующих в обществе групп. Влияние групповых интересов на содержание реформ нередко оказывается столь сильным, что полностью подавляет общий интерес. В этом случае реформы не обновляют государственный строй, систему государственного управления в целом или какую-то ее сферу, но уродуют государство, превращают государственную власть, призванную служить общему благу, в инструмент служения корыстным групповым интересам, а нередко и в орудие уголовных преступлений.

В случаях, когда преобразования явно назрели, промедление с их проведением угрожает существованию государства, Сперанский все равно признавал необходимость «избегать всякой торопливости», но одновременно призывал «не терять времени». Так, в 1809 году он считал невозможным откладывать реформу Сената, поскольку «смещение дел управления и суда в Сенате дошло до такого беспорядка, что, независимо от общего преобразования, нельзя более отлагать нужные меры и исправления; а меры сии во всех предположениях не могут быть приняты иначе, как отделением части управления и назначением ей особенного порядка»⁸⁷.

Неотложной считал Сперанский в 1809 году и налоговую реформу. Но сознавая, что любое преобразование финансовой сферы затрагивает народные интересы и тем самым ополчает население на верховную государственную власть, Михаил Михайлович рекомендовал императору Александру I представить инициатором этой реформы не свою августейшую особу, а Государственный совет. «Положение наших финансов, — писал он его величеству, — требует непременно новых налогов и весьма нарочитых. без сего никак и ни к чему приступить невозможно. Налоги тягостны бывают особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому с очевидностью и подробно доказать их необходимость. Следовательно, очевидность сию должно заменить убеждением в том, что не действием одного произвола, но необходимостью, признанною и представленною от Совета, полагаются налоги. таким образом, власть державная

⁸⁷ Там же. С. 233–234.

сохранит к себе всю целостность народной любви, нужной ей для счастья самого народа; она оградит себя от всех неправых нареканий, заградит уста злонамеренности и злословию, и самые налоги не будут казаться тягостными с той минуты, как признаны будут необходимыми»⁸⁸.

Приведенные случаи показывают, что разрабатывая проекты государственных преобразований, Сперанский мыслил предельно прагматично. С такой же долей прагматизма он подходил и к решению главной проблемы любого конституционного строя, а именно: как обеспечить соблюдение конституции той властью, которая ее создает и вводит в действие?

В своем подходе к этой проблеме выдающийся наш государственный деятель-мыслитель исходил из признания невозможности обеспечить соблюдение конституции исключительно самой конституцией. «Когда народ, — утверждал он, — постановив общею волею коренные законы, заставляет правительство торжественною присягою утверждать их непоколебимость; когда вследствие сего утверждения устанавливаются законодательные сословия, охранительные власти, парламенты, сенаты, государственные советы, сим еще никак не постановляются истинные пределы правительства; когда силы его при сем остаются в том же положении, в каком они до ограничения сего были, народ может назвать сей образ правления аристократическим, монархическим и даже республиканским, но в самом деле он будет деспотическим»⁸⁹.

Сперанский считал тщетным «писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на *«действительной государственной силе»*, но что могло, по его мнению, составить *«действительную государственную силу»*, способную обеспечить соблюдение конституции?

4

Идея конституции в том содержании, в котором она утвердилась в политико-правовой идеологии развитых стран к началу XIX века, предполагала самым прочным основанием конституционного строя и

⁸⁸ Там же. С. 233.

⁸⁹ Там же. С. 32.

главным источником силы правительства той или иной страны ее народ. М.М. Сперанский также утверждал, что «правительство не может иметь другой силы, как ту, которую ему народ для действия его уделяет»⁹⁰. И размышляя над проблемой обеспечения соблюдения законов, указывал на два преимущества народа, позволявших ему ограничивать произвол носителей верховной государственной власти. Это, во-первых, превосходство в количественном отношении сил народа над силами правительства, и во-вторых, производность сил правительства от сил народа. «Не правительство рождает силы народные, — подчеркивал Сперанский, — но народ составляет силы его. Правительство всемогуще, когда народ быть таковым ему подпускает»⁹¹.

Однако несмотря на это, Михаил Михайлович признавал, что народ не способен сам по себе обеспечить соблюдение конституции. Чтобы выполнять эту роль, «народ, — отмечал Сперанский, — не только должен знать точные пределы власти и быть готовым всечасно защищать их, но он должен быть соединен в своих видах во всей его массе; иначе при малейшем разделении польз разных его состояний, силы его истощатся во взаимной борьбе их между собою и не дадут ему возможности противопоставить что-либо правительству»⁹². Но в действительности народ этими свойствами не обладает и не может обладать. Преобладающей его массе не известны установленные законами пределы государственной власти. К тому же он раздроблен на разные сословия с различными, часто противоположными интересами.

Между тем силы, вверенные народом правительству, соединены в одну массу и пребывают в монопольном распоряжении государственных органов. «Силы правительства, — писал по этому поводу Сперанский, — сверх той поверхности, которую естественно берут они над рассеянными силами народа своим соединением, имеют еще то особенное свойство, что бытие их есть исключительно, ибо, как ни в каком благоустроенном государстве не можно

⁹⁰ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 34.

⁹¹ Там же. С. 35.

⁹² Там же. С. 36.

допустить, чтоб частные общества выпускали под своею печатью государственную монету, так не можно дозволить, чтоб частные люди имели свои войски и раздавали бы почести. Это не было бы одно государство, но множество удельных систем, соединенных некоторым союзом. Образ правительства бедственный и нелепый»⁹³.

Если народ в целом не может по ряду причин стать силой, способной сдержать произвол верховной государственной власти и обеспечить соблюдение конституции, то что же тогда может составить такую силу? И возможно ли вообще создать ее?

М.М. Сперанский считал, что такую силу создать вполне возможно. Для этого, по его мнению, необходимо было прежде всего устранить главное обстоятельство, которое при всех формах правления делает силы народа ничтожными и утверждает самовластие. «Нет ничего нелепее и убийственнее для свободы, — указывал он, — как раздробление состояний по промыслам их и исключительные права их. Правило сие можно назвать коренным уложением самовластия»⁹⁴. Поясняя эту мысль, Михаил Михайлович подчеркивал: «Какую бы силу народ ни имел в своем характере, естли он будет раздроблен на мелкие классы, естли каждый класс будет иметь свои особенные выгоды и преимущества, можно утвердительно сказать, что никто ничего иметь не будет; все будет управляемо неограниченною волею, коея знаменем во всех веках было: *раздели и царствуй, divide et impera*»⁹⁵. В связи с этим он высказывал мнение о том, что первым шагом к ограничению самовластия должно стать соединение всех сословий для того, чтобы предотвратить их борьбу между собой и уравновесить силу правительства.

Не веря в способность *всего* народа действовать в роли хранителя конституционного строя и силы, ограничивающей произвол государственной власти, Сперанский думал, что подобную роль успешно может исполнять лишь часть его — «особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим,

⁹³ Там же. С. 35.

⁹⁴ Там же. С. 36.

⁹⁵ Там же.

чтоб ее не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему»⁹⁶. Он предполагал, что эти люди составят «высший класс народа», специально поставленный «на стражу и охранение закона»⁹⁷.

Идея, выраженная в приведенных словах, означала, что Сперанский считал наиболее реальной и эффективной государственной силой, способной обеспечить соблюдение конституции и ограничить произвол носителей верховной государственной власти, особым образом организованную **национальную политическую элиту**.

Мысль о необходимости формирования в русском обществе национальной политической элиты высказывал в свое время и К.П. Победоносцев. «Народ ищет наверху у власти, — писал он в одном из очерков своего «Московского сборника», — защиты от неправды и насилий, — и стремится там найти нравственный авторитет в лице лучших людей, представителей правды, разума и нравственности. Благо народу, когда есть у него такие люди — в числе его правителей, судей, духовных пастырей и учителей возрастающего поколения. Горе народу, когда в верхних властных слоях общества не находит он нравственного примера и руководства: тогда и народ поникает духом и развращается».⁹⁸

Какими качествами должны были обладать, с точки зрения Победоносцева, представители национальной элиты? Отвечая на этот вопрос, Константин Петрович утверждал: «В социальном и экономическом быте прежнего времени история показывает нам — *благородное сословие* людей, из рода в род призванных быть не только носителями власти, но и попечителями о нуждах народных и хранителями добрых преданий и обычаев. Если суждено такому сословию возродиться в нашем веке, — вот в чем должны состоять основы бытия его и сущность его призвания:

- служить государству лицом своим и достоянием;
- быть в слове и деле хранителем народных добрых преданий и

⁹⁶ Там же. С. 37.

⁹⁷ Там же. С. 37.

⁹⁸ Победоносцев К.П. Власть и начальство // Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева, пятое, дополненное. М., 1901. С. 315.

обычаев;

– быть ходатаем и попечителем народа в его нуждах и защитником от обиды и насилий;

– советом и примером поддерживать добрые нравы в семье и обществе;

– не увлекаться господствующею в обществе страстью к приобретению и обогащению и чуждаться предприятий, обычных для удовлетворения этой страсти»⁹⁹.

К.П. Победоносцев являлся более идеологом, чем государственным деятелем, поэтому и данным им образ необходимой для России национальной политической элиты был в большей степени **идеалом**, нежели идеей, способной воплотиться на практике – в действительную государственную силу.

М.М. Сперанский же являлся прежде всего государственным деятелем и мыслил более как практик, чем идеолог.

В представлении К.П. Победоносцева национальная политическая элита – это носители государственной власти, посвятившие свою жизнь служению государству и народу, выступающие не только хранителями устоев народной жизни, высших нравственных ценностей, но и воплощающие их собственным поведением.

М.М. Сперанский также считал, что национальная политическая элита должна быть «нравственной силой», но для того, чтобы являться «живой, действующей» силой, способной ограничивать произвол правительства, она, по его мнению, не могла состоять из носителей государственной власти-чиновников.

К.П. Победоносцев не задавался вопросом, как могло сформироваться в России высоконравственное, благородное сословие людей, способных посвятить свою жизнь, все свои помыслы служению государству и народу. М.М. Сперанский же придавал порядку формирования «высшего класса народа» первостепенное значение и поэтому довольно подробно рассмотрел в своих записках вопрос о том, «каким образом высший сей класс должен быть составлен, чтоб соответствовать великому своему предназначению». Отметив, что для

⁹⁹ Там же. С. 315–316.

этого ему надлежит быть независимым как от власти государя, так и от власти народа, Михаил Михайлович признал, что такой самостоятельности «высшего класса народа» невозможно достичь, если формировать его состав путем выборов, и сделал следующий вывод: «Он должен составлять собою не место какое-либо, по избранию наполняемое, но целое состояние народа. Если бы состав его был избирательный, тогда более или менее всегда от власти правительства зависело бы его бытие, ибо правительство всегда нашло бы способ или уничтожить самое его избрание или так расположить его влиянию своего богатства и почестей, чтоб в выбор сей помещены были одни люди, ему преданные. Итак, стражи закона должны родиться таковыми; они должны иметь независимость бытия»¹⁰⁰.

Очевидно, что свое предназначение национальная политическая элита могла осуществлять еще и при условии, если ее интересы соединялись с интересами народа. В противном случае правящая страной группировка могла превратиться в губителей государства и в значительно более опасных угнетателей населения, чем самый неограниченный в своей власти правитель. Придавая особое значение такому свойству «высшего класса народа» как соединению его пользы с пользами народа, Сперанский подчеркивал: «Если сей класс при независимости его не будет иметь сего соединения, он соделается ужаснее, нежели самое неограниченное самовластие. Когда власть предержавшая рассудит, преломив законы, отяготит народ нестерпимыми налогами и разделит корысть неправды с стражами закона, кто тогда противостанет сему насилию? Кто защитит права народа? Когда и в каком государстве сторона человечества была сильнее стороны страстей и корыстолюбия? Отсюда происходит, что везде, где высший класс народа не был с ним тесно соединен в своих пользах, низший был в жесточайшем рабстве и унижении»¹⁰¹.

Провозгласив необходимость соединения интересов национальной политической элиты с интересами народа, Сперанский попытался наметить способы достижения этой цели и высказал мнение, что положить такую связь между народом и его высшим классом «весьма просто», если будет установлено: «1) чтоб дети сих

¹⁰⁰ Сперанский М.М. О коренных законах государства. С. 38.

¹⁰¹ Там же. С. 39.

людей, исключая первородных, были в числе народа, тогда притеснять народ было бы притеснять собственных своих детей, 2) чтоб все то, что касается до имений сего высшего класса, ведомо было в судилищах, по избранию народа составляемых»¹⁰². Но эти меры вряд ли гарантировали соединение выгод политической элиты с выгодами народа. Впрочем их недостаточность вполне понимал и сам Сперанский, поэтому обещал после приведенных слов «изъяснить сие пространнее»¹⁰³.

Из дальнейших его рассуждений о том, какими свойствами должен обладать «высший класс народа», чтобы иметь возможность надлежащим образом выполнять свое предназначение, видно, что этот класс мыслился им состоящим из весьма богатых по своему материальному достатку людей. «Высший класс народа, таким образом составленный, — утверждал Сперанский, — должен соединять в себе уважительную часть богатства государственного. Представляя собою силу народа и служа оплотом ему против самовластия, он должен и по самой наружности своей отражать на себе достоинство великого его звания. Бедность в настоящих политических системах не может почти быть совместна с уважением, а, тем менее, с духом независимости»¹⁰⁴.

Группа людей, образованных до такой степени, чтобы «знать точные пределы власти» и настолько богатых материально, чтобы пользоваться уважением со стороны общества и независимостью от государственных властей, не могла быть многочисленной. В записке «О коренных законах государства», датированной 1802 годом, Сперанский отметил, что для сохранения своей политической силы «высший класс народа» должен иметь малую численность, но не указал конкретной цифры. Такую цифру он назвал в написанной приблизительно в 1820–1821 годах заметке о законодательном сословии. Заявив, что меры законодательные, в отличие от мер только правительственных, «трудны, но прочны, ибо основаны не на букве, а на живой, действующей нравственной силе», Михаил Михайлович спросил далее: «Возможно ли у нас образование сей нравственной

¹⁰² Там же. С. 40.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

силы?.. Российское государство может ли избрать и представить в высших и средних его сословиях от 1500 до 2000 лиц, с уважительным степенем¹⁰⁵ просвещения, имущества и общего доверия?»¹⁰⁶

Связывая процветание государства с наличием в обществе образованной, независимой от правительства в материальном и политическом отношениях, но соединенной своими интересами с народными интересами элитой, Сперанский выражал тем самым главные закономерности мировой политической истории, проявлявшиеся наиболее явственно в процессе катастрофических для государственности революционных событий или смут.

Революции и смуты, приводившие к разрушению государств, протекали по-разному в различных странах и заканчивались неодинаково. Но начало у всех великих революций и смут проходило по одному и тому же сценарию: первым их актом всегда был острый конфликт внутри правящего слоя. Он быстро переходил в стадию бескомпромиссной борьбы, которая в свою очередь, выливалась, как правило, в гражданскую войну. Результатом этих процессов было разрушение исторически сложившейся конструкции верховной государственной власти.

Восстания народных масс, стихийные народные движения играли огромную роль в революциях и смутах, но разворачивались они лишь после краха верховной государственной власти: их нельзя поэтому считать причиной этих государственных катастроф. Главная тайна всех великих революций и смут сокрыта в тех процессах, которые совершались накануне их в сферах верховной государственной власти, в политических элитах общества.

Опыт мировой истории учит, что настоящими «революционерами» и самыми успешными разрушителями государства — *величайшими государственными преступниками* — во всех случаях революционных катастроф были сначала **носители верховной государственной власти**. Именно они своим поведением наносили первый и самый страшный удар по зданию государственности, вызывая в нем трещины и... революцию.

¹⁰⁵ Так в оригинале. — В.Т.

¹⁰⁶ Сперанский М.М. Нужды и желания // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 815.

Любая революция, выливающаяся в разрушение государства, сопровождается массовым неповиновением населения страны официальной государственной власти. Этот феномен всегда оказывается, в силу своей массовости, наиболее заметным революционным событием. Однако он составляет только поверхностный процесс, который скрывает под собой явление значительно более разрушительное для государства, нежели неповиновение народа государственной власти. Таким явлением всегда бывает нарушение государственными должностными лицами норм конституции, неподчинение их воле носителя верховной государственной власти, неисполнение его указов и распоряжений.

В результате подобной практики глава государства лишается эффективного инструмента управления страной, проведения своей политики во всех сферах государственной жизни. Правительство, состоящее из людей, которые, занимая государственные должности, служат не государственным, а исключительно личным эгоистическим интересам, не может выполнять функцию исполнительной власти, но вполне способно стать источником антигосударственных настроений в обществе¹⁰⁷.

Все эти закономерности были характерны для английской революции 1640–1660 годов¹⁰⁸ и французской революции 1789–1795 годов. Но в особо разрушительной форме они проявились в русском обществе в начале XVII века – во время событий так называемой «Смуты». В них участвовали почти все социальные группы, однако ведущую роль в крушении традиционной русской государственности сыграл правящий слой. Возлагая на него главную ответственность за «Смуту», историк И.Г. Забелин утверждал, что ее начало следует искать прежде всего в царском дворце. «В общих чертах “Смута”, – пояснял он, – представляет явление весьма своеобразное. Это не

¹⁰⁷ См. подробнее об этом: *Томсинов В.А.* Кризис правосознания как причина разрушения государства // *Правосознание российского общества: Типологическая характеристика. Коллективная монография / Под редакцией В.В. Сорокина и А.А. Васильева.* Барнаул, 2013. С. 208–234.

¹⁰⁸ О том, как борьба различных группировок правящего класса Англии разрушала в этой стране государство см. в издании: *Томсинов В. А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года. М.: Зерцало-М, 2010.

революция, не перестановка старых порядков по-новому. Это только глубокое потрясение, великое “шатание” именно государства в сказанном смысле; ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а само правительство, сама правящая и владеющая власть, и в своей единице, и в общем составе своих представителей, между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских (именно гражданских) устоев, какой в нем и предполагать было невозможно»¹⁰⁹.

Подобные факты мировой истории убедительно показывали, что судьба любой страны зависит в значительной мере от состояния правящего в ней слоя. А это в свою очередь означало, что благотворными для государственности могли быть только такие реформы, которые способствовали появлению новой, более качественной политической элиты — «высшего класса народа», Сперанский хорошо сознавал эту закономерность, поэтому в разработанных им проектах государственных преобразований предусматривались меры не только по устройству и обновлению государственных органов и политических институтов, но и по формированию соответствующих им корпораций государственных деятелей.

Провозгласив общей и конечной целью необходимых для России государственных преобразований установление конституционного строя, позволяющего утвердить российскую государственную власть на фундаменте законов и ограничить и умерить самовластие, Сперанский запрограммировал тем самым создание в Российской империи особого законодательного органа. В составленном им в 1809 году «Введении к уложению государственных законов» данный орган получил наименование Государственной думы, но одновременно был назван «законодательным сословием». «Из депутатов, представленных от губернской думы, — говорилось в этом проекте, — составляется законодательное сословие, под именем *Государственной думы*.

Государственная дума есть место, равное Сенату и министерству.

¹⁰⁹ Забелин И.Г. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883. С. 1.

Государственная дума собирается по коренному закону и без всякого созыва ежегодно в сентябре месяце.

Срок действия ее определяется количеством дел, ей предлагаемых»¹¹⁰.

Под «законодательным сословием» Сперанский подразумевал состав Государственной думы и одновременно основную часть политической элиты страны. «Законодательное сословие должно быть так устроено, — отмечал он во «Введении к уложению государственных законов», — чтоб оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтоб мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное»¹¹¹.

В начертанной Сперанским в 1809 году записке под названием «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» предполагалось, что Государственная дума будет открыта в 1810 году в первый день сентября. В этот день по старому русскому календарю начинался новый год. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться в назначенное время. О главной причине этой неудачи Михаил Михайлович напишет десятилетие спустя — в заметке, специально посвященной законодательному сословию. Он представит данное сословие в качестве фактора, придающего необходимый авторитет конституционному строю, указав, что «сила всех государственных уложений (конституций) состоит в двух следующих положениях:

1) Не постановлять ничего важного без общего совета.

2) Общий совет составлять по правилам единообразного выбора уравнительно из всех свободных сословий»¹¹².

По мысли Сперанского законодательное сословие, призванное составить Государственную думу, должно было формироваться из лучших, образованных представителей российского дворянства, духовенства, купечества, мещанства и крестьянства. Однако реальное состояние этих сословных групп не позволяло выделить из них

¹¹⁰ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 195.

¹¹¹ Там же. С. 166.

¹¹² Сперанский М.М. Нужды и желания. С. 815.

достаточное количество людей, способных действовать в качестве законодателей и стражей конституционного порядка.

Отметив, что высший уровень образования в России, без сомнения, принадлежит дворянству, Сперанский признал при этом, что единственной активной силой в российском дворянстве являются военные и гражданские чиновники, однако они не могут быть включены в состав законодательного сословия. Остальную же его часть составляют люди малые и старые, привыкшие к городской или деревенской праздности, но никогда не занимавшиеся «важными политическими вопросами» и не подготовленные к ним ни теорией, ни опытом.

Что же касается купечества и мещанства, то состояние российских капиталов, «самый образ торговли, большею частию внутренней и раздробительной, требующей более механического движения и мелких местных познаний, нежели общих и обширных соображений и умозрений, не позволяют предполагать в сем сословии ни сведений, ни навыка»¹¹³. К тому уже численность его настолько мала, что невозможно выбрать достаточное количество людей, способных эффективно и с пользой для государства действовать в качестве законодательного сословия. О духовенстве и крестьянстве Сперанский заметил, что они не составляют в России сословий, священники — вследствие нищеты, крестьяне — потому что не имеют собственности. Вследствие этого им был сделан вывод о том, что возможность создания в России «законодательного сословия сильного и просвещенного весьма мало представляет вероятности»¹¹⁴.

Воплощением судебной власти Сперанский также считал не только судебные органы, но и корпорацию судебных деятелей, способных служить высокому предназначению суда. В связи с этим реформа судебной системы понималась им не только как меры по переустройству или реорганизации судебных институтов, но и как сложный, долговременный процесс формирования и воспитания корпуса судебных деятелей. «Сословие судебное должно быть так образовано, — отмечал он во «Введении к уложению государственных законов», — чтоб в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 817.

один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству»¹¹⁵.

Такой подход к судебной реформе предполагал в качестве первого ее шага устройство специальных учебных заведений для подготовки судебных деятелей. Именно в этой цели в 1835 году в Санкт-Петербурге было учреждено императорское Училище правоведения. Инициатором его создания был внук императора Павла I, сын его дочери великой княгини Екатерины Павловны (1788–1818) от брака с принцем Георгием Ольденбургским, племянником Павла I, *принц Петр Георгиевич Ольденбургский* (1812–1881). Проект же устройства Училища правоведения разработал М.М. Сперанский.

24 января 1835 года Михаил Михайлович представил императору Николаю I записку «Специальные училища»¹¹⁶, в которой изложил свое мнение о замысле создания в России специального учебного заведения для подготовки молодых людей к судебной деятельности. «Для судей везде нужны способные и благовоспитанные делопроизводители, — писал он; — у нас они нужнее, нежели где-нибудь: ибо у нас нет и долго еще не будет ни ученых судей, ни ученых адвокатов. Судьи у нас, в нижних и средних местах¹¹⁷, избираются из дворян, большею частью военных, а в высших определяются из чинов, также военных и гражданских. И нет причины изменять сей порядок, если бы изменить его и было возможно. При добром делопроизводителе судья, избранный доверием сословия, с здравым смыслом и чистою совестью, хотя и без технического знания, вообще может быть полезнее, нежели судья простоученый. Но тот же избранный доверием судья, при худом производстве, будет прикрывать только собою его пристрастие или невежество.

Университеты наши не могут доставить судебной части добрых делопроизводителей, во-первых, потому что там студенты учатся, а не воспитываются; во-вторых, потому что они выходят и в военную, и в

¹¹⁵ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов. С. 166.

¹¹⁶ Оригинал данной записки хранится в фонде 637 (архив К. Г. Репинского) отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ее текст опубликован в журнале «Русская старина» (1885. Том 48. № 12. С. I–IV).

¹¹⁷ Так в оригинале.

другие роды службы, не были обязаны следовать определенному назначению; то же можно сказать и о лицах; воспитанники их, коих впрочем, и число незначительно, расходятся по всем родам гражданской службы и редко служат по судебной части.

Из сего видно, что учреждение специального училища для судебной части, в коем бы воспитанники теориею и практикою приготовлены были предпочтительно к прохождению сего рода службы, представляет неоспоримую пользу. Возражение, что сим уменьшится число учащихся в университете, не может быть уважительно, потому что число воспитанников сего училища, по самому составу его, полагается весьма ограниченным: каждый год из него может быть выпускаемо не более как от 20 до 25-ти человек»¹¹⁸. В результате 29 мая 1835 года появился Именной указ Николая I, данный Сенату, которым был утвержден первоначальный устав Училища правоведения. 5 декабря того же года состоялась церемония его торжественного открытия.

Это было необычное для России высшее учебное заведение, отличавшееся своей организацией, учебной программой и духовной атмосферой, как от юридических факультетов российских университетов, так и от лицеев. Оно предназначалось для подготовки судебных деятелей, обладающих не только необходимыми для этой профессии знаниями, но и способностью беззаветно служить закону и целям правосудия. Вся система обучения в нем направлялась соответственно на выработку практических навыков юридической деятельности, а не мышления, свойственного ученым правоведам. У воспитанников, имевших склонность к занятиям наукой, мало было стимулов развивать ее, вырабатывать у себя способности к научным исследованиям: они ведь знали, что при любых успехах на этом поприще их определяют по окончании Училища на бюрократическую службу.

Но к этому добавлялось и другая немаловажная особенность данного учебного заведения: обучение юридическим наукам и навыкам ведения судебного делопроизводства соединялось в нем с

¹¹⁸ Императорское Училище правоведения. Записка графа М. М. Сперанского // Русская старина. 1885. Том 48. № 12. С. II-III.

воспитанием у молодых людей нравственных качеств, соответствующих судебной деятельности¹¹⁹.

Таким образом, императорское Училище правоведения стало практическим воплощением идей Сперанского о формировании судебного сословия, высказанных им в начале XIX века. Обучавшиеся в нем молодые люди не только получали хорошее общее образование и знания, необходимые для судебной деятельности, но им также прививались соответствующие данной профессии нравственные и умственные качества. Это была школа воспитания, в которой возвращалась когорта судебных деятелей нового типа — образованных, честных и неподкупных, видящих свое призвание в служении Закону и Отечеству, и потому способных стать неотъемлемой частью национальной политической элиты Российской державы.

* * *

Составленные Сперанским проекты реформ предусматривали создание целого ряда новых органов государственной власти и управления: постоянно действующего Государственного совета, Государственной думы, различных министерств, губернских, окружных и волостных дум и т.д. Новую внутреннюю организацию и соответственно новые функции должен был получить Правительствующий Сенат. Коренному обновлению надлежало подвергнуть, по замыслам Сперанского, судебную систему и действующее законодательство. Михаил Михайлович придавал новым и обновленным государственным учреждениям большое значение в судьбе страны. Начертанное им в 1809 году «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» завершилось довольно оптимистическим заявлением: «Естьли Бог благословит все сии начинания, то к 1811-му году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия восприимет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется».

¹¹⁹ Более подробно об императорском Училище правоведения см. в издании: *Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2015. С. 173–193.*

Однако при этом Сперанский хорошо понимал, что успех реформ зависит не только от гармонично устроенной системы властных учреждений, но и от людей, которые их наполняют. «Самый лучший образ управления, не имея исполнителей, не только не произведет никакого полезного действия, — писал он еще в 1803 году, — но по необходимости родит два весьма важные и столь редко законодателями измеряемые неудобства: 1) Недоверчивость и неуважение к правительству. В государстве, где нет добрых исполнителей, конечно, не может быть и просвещенных судей, внутренней изящности установлений. Народ рассуждает о вещах по внешнему их действию, и если действие сие будет ничтожно, ничем уверить его не можно, что ничтожество сие не от учреждений происходит, но от недостатка исполнения, ибо народ, считая себя всегда просвещенным, никогда не поймет, каким образом в миллионах нельзя найти известного числа людей способных. 2) разрушив прежний вещей порядок, хотя несовершенный, но с привычками народными сообразный, если порядок вновь установленный не будет обеспечен разумом исполнителей, он по необходимости родит во всех классах народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные, упущения ему приписаны будут»¹²⁰.

Приведенные слова Сперанского показывают, что в содержание государственных преобразований он включал перемены не только в учреждениях, но и в людях. А это означало, что в действительности он вполне сознавал невозможность преобразовать какую-либо страну, а тем более — такую огромную, как Россия, — за короткое время.

5

Любые государственные преобразования являются одновременно преобразованиями юридическими. Они могут быть осуществлены на практике только посредством законов. И только законы могут придать устойчивость их результатам. Поэтому подготовка государственных реформ всегда предполагает составление законодательных проектов, юридически закрепляющих нововведения.

¹²⁰ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 112–113.

Чем более радикальны государственные преобразования, тем дальше они выходят за рамки действующего законодательства и тем сложнее оказывается их юридическое оформление. Но самые большие трудности юридического характера несут в себе реформы, выражающиеся в разработке сводов и кодексов — «уложений», по русской терминологии. Они предполагают создание новой модели правопорядка в какой-либо отдельной сфере общественной жизни или в масштабе всего государства, соответствующей не только экономическим, социальным и политическим условиям страны, но и особенностям правосознания ее населения. Технология подготовки и проведения государственных преобразований такого рода отличается особой сложностью. Законодательство любой страны не может оставаться неизменным, оно должно развиваться и изменяться с развитием самого общества, с переменами в государственном строе и в общественной жизни. Поэтому успешной законодательная реформа будет являться только в том случае, если в ее результате появится свод законов или уложение, соответствующие не только настоящему состоянию общества и государства, но и тому состоянию, которое они примут в будущем, т.е. свод или уложение, способные к постоянному совершенствованию, составленные таким образом, чтобы в них можно было периодически вносить изменения или поправки, не нарушая его системы и существа.

Первоначальные идеи о методике создания уложений в условиях России М.М. Сперанский высказал в написанных в 1802 году заметках о комиссии уложения, в которых дал оценку предпринимавшимся российскими самодержцами на протяжении восемнадцатого столетия многочисленным попыткам систематизировать действующее законодательство. Они очень любопытны в свете будущей судьбы Сперанского. Вряд ли он думал тогда, когда писал эти заметки, что спустя некоторое время сам будет заниматься составлением уложения и свода, причем в качестве не рядового сотрудника, а руководителя этих работ, и что именно ему будет поручено разработать как общий план систематизации российского законодательства, так и подробный проект структуры свода, и что разработка наиболее оптимальной технологии подготовки и проведения законодательной реформы станет его служебной обязанностью.

В 1809–1811 годах Сперанский составил две части проекта Гражданского уложения Российской империи и представил их для обсуждения в Государственный совет¹²¹, а до начала 1812 года сделал предварительный вариант последней, третьей части данного проекта, требовавший, по его собственным словам, «только отделки»¹²². В 1826–1832 годах по разработанным им планам и проектам во Втором отделении собственной его императорского величества канцелярии были составлены Полное собрание законов и Свод законов Российской империи¹²³.

Законодательные реформы Сперанский считал важнейшей частью общего плана государственных преобразований, составленного по поручению императора Александра I. «Весь разум сего плана, — напоминал Сперанский его величеству в 1813 года, — состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию сея власти более правильности, достоинства и истинной силы»¹²⁴. Приведение действующих законов в строгую систему имело первостепенное значение для утверждения принципа законности в устройстве и функционировании государственной власти. Этот принцип невозможно было утвердить в государственной деятельности и в жизни общества без упорядочения существующих законов, при сохранении хаоса, противоречий, пробелов в действующем законодательстве. Неслучайно российские самодержцы на протяжении всего восемнадцатого столетия настойчиво пытались свести законы в единый свод. Правда, побуждались они к этим попыткам более инстинктом властвования, инстинктивным стремлением упрочить свою власть, нежели ясным сознанием

¹²¹ См. об этом: *Томсинов В.А.* Проект Гражданского уложения Российской империи и его значение в формировании российской науки гражданского права // *Законодательство*. 2014. № 10–12. 2015. № 1.

¹²² *Сперанский М. М.* Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.) // *Русский архив*. 1892. Кн. 1. Вып. 1. С. 55.

¹²³ См. об этом главу «Работы по систематизации законодательства в конце 20-х – начале 30-х годов XIX века. Создание «Полного собрания законов» и «Свода законов» Российской империи» в книге: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М., 2010. С. 237–278.

¹²⁴ *Сперанский М. М.* Пермское письмо к Александру Павловичу (январь 1813 г.). С. 52.

высокого значения упорядоченного законодательства для эффективной государственной деятельности и нормальной общественной жизни. У них отсутствовало при этом понимание всей сложности задачи систематизации действующего законодательства в условиях России. «Почти все государи занимались сим с порывистию и некоторым воспалением, — отмечал М.М. Сперанский, оценивая попытки решить данную задачу. — Это была мысль, которая приходила и поражала их с великою силою; но поелику не измеряли они вместе с тем всей глубины ее, то при открытии ее, теряясь в скучных и продолжительных ее отношениях, они оставляли и мысль и начатки действия»¹²⁵.

В написанных в 1802 году заметках о комиссии уложения Сперанский показал главные причины неудач попыток составления сводного уложения, предпринимавшихся с эпохи правления Петра I до времени царствования императрицы Екатерины II. Не называя прямо эти причины, Михаил Михайлович указал на них предположениями о том, что должны были бы делать члены учрежденной для составления сводного уложения комиссии, чтобы достичь успеха. В своей совокупности эти предположения образуют методику подготовки и проведения работ по систематизации действующего законодательства.

Из начертанных Сперанским заметок о деятельности комиссии уложения вытекает, что ее члены должны были прежде всего принять во внимание конкретные особенности страны, для которой предназначается уложение: им следовало понять, в частности, что они «призваны составить уложение для обширнейшей в свете империи, населенной разными языками, славящейся своею слою, рабством, разнообразием нравов и непостоянством законов»¹²⁶.

Главными же подготовительными мерами для выполнения задачи составления сводного уложения Сперанский называл, *во-первых*, собрание всех материалов, касающихся работ этого рода, а именно: полное собрание отечественного законодательства, результаты трудов предшествовавших законодательных комиссий, составленные ими проекты сводов или их частей, выписки из иностранных уложений,

¹²⁵ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 17.

¹²⁶ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения. С. 18.

имеющиеся переводы на русский язык подобных правовых установлений. *Во-вторых*, наличие людей, подготовленных к ее выполнению, т.е. профессиональных правоведов. «Мне всегда казалось странно, — отмечал он, — что в частях простых и малозначащих требуют с большею точностью совершенства, нежели в науке законодательства. Целую жизнь посвящают, чтоб познать историю насекомых или исчислить все роды бабочек, а составление уложения вверяют у нас первому, кто обнаружит некоторое сведение в указах или покажет некоторые таланты, как будто законоведение не составляет само собой особой и обширной науки, как будто можно в сей науке всякому быть глубоким, кто захочет, и как будто она не есть одна из труднейших частей истинной философии»¹²⁷.

Наличие подготовленных исполнителей Сперанский считал одним из главных условий успешного проведения любых государственных преобразований, но к людям, призванным проводить законодательные реформы, им предъявлялись особые требования. Он обращал внимание не только на образованность, но и на качества личности, свойства характера и даже возраст этих людей.

Составители уложения должны были, по его мнению, иметь юридическое образование, основанное на изучении научной юриспруденции. «Опытность практического познания законов, — писал он в «Обзрении исторических сведений о своде законов», — есть первая потребность в делопроизводстве. В приложении законов никакое умозрительное познание заменить ее не может; тут теория без опыта почти бесполезна, между тем как опытность и без теории обойтись может. Но когда дело состоит о приведении законов в систему, тогда опытность одна недостаточна: здесь нужно познание начал, из коих каждый род законов проистекает, связь их между собою, пределы их и взаимные отношения; здесь нужна теория, с опытностию соединенная»¹²⁸.

Признавая, что в России достаточно людей с обширными познаниями в законах, Сперанский отмечал, что «их познания суть больше произведение опыта, нежели систематического

¹²⁷ Там же. С. 26–27.

¹²⁸ [Сперанский М. М.] Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 56–57.

размышления»; что «их лета и состояние, а особливо предрассудки класса, к коему они принадлежат и коего духом они напоены, делают их неспособными к непосредственной работе. Они с великою пользою употреблены в ней быть могут как критики, но не как сочинители»¹²⁹. По его словам, «к составлению проекта уложения нужны люди, кои бы с довольною опытностию в делах соединяли жар лет и свежесть понятий, которые бы, зная все изгибы канцелярий и практическое употребление закона, вместе с тем не только знакомы были со всеми лучшими писателями в сем роде и приобыкли бы размышлять с ними, но и имели бы душу и разум, всегда отверстый к истине и к новому научению, чтоб возраст их и здоровье позволяли им углубиться в сию часть и успеть принести отечеству плоды их учения, чтоб, наконец, с разумом, образованным к высшим понятиям, они соединяли в нравственном их характере все терпение, какого дело сие по существу своему требует»¹³⁰.

При подготовке к проведению в России законодательных реформ необходимо было, по мнению Сперанского, учитывать достижения в юридических науках правоведов развитых иностранных государств. Для их усвоения люди, которым будет поручено осуществление таких реформ, должны, считал Сперанский, «сделать путешествие в государствах, где наука законодательства доведена до высшего совершенства, где политические превращения приучили умы заниматься предпочтительно сею частью и где есть великие люди в сем роде». Поясняя важность такой меры, Михаил Михайлович подчеркивал: «Беседа с сими людьми часто более научает в один час, нежели двугодичное чтение. Сверх сего, в книгах, при наилучших теориях, нельзя почти найти практического законов употребления, нельзя наблюдать тысячу тонких обстоятельств, показующих истинное влияние законов на нравы и счастье народное, а особливо в обряде самые существенные черты не иначе могут быть открыты, как личным наблюдением»¹³¹.

В дальнейшем изложении этой мысли Сперанский высказывал мнение о том, что лучше всего послать людей, предназначенных

¹²⁹ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения. С. 27.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

подготовить и провести законодательную реформу, на учебу в Англию, во Францию и Берлин, заметив при этом: «Естьли они будут выше обыкновенных видов властолюбия и честей, естьли сердце их имеет известную теплоту к благу человеческого рода, и естьли, впрочем, по состоянию их отвязаны они от нужд, сжимающих душевные силы, всею вероятностию человеческих предположений можно ручаться, что государство не потеряет в них ни времени, ни иждивения»¹³².

Необходимым условием успешной законодательной реформы Сперанский считал наличие общего плана работ по ее подготовке и осуществлению. Если же работы эти должны были иметь своим окончательным результатом составление уложения, то, по его мнению, следовало предварительно разработать и план самого уложения, определяющий порядок расположения включаемого в него правового материала.

Оба плана могли быть полезными лишь при условии, если отличались полнотой объема и ясностью. Оценивая представленный императору Николаю I в январе 1828 года план составления проекта Гражданского уложения, Сперанский подчеркивал, что объем этого плана «определен в самом начале работы, по соображению с лучшими иностранными, как древними, так и новыми сочинениями, и по сравнению с уложениями: французским, прусским и австрийским»¹³³.

Касаясь общего плана законодательной реформы, Сперанский высказывал мнение о том, что в сфере гражданского и уголовного права эта реформа не может ограничиваться единственно составлением уложения, что для ее полноты необходимо составить 1) «свод (digeste)», 2) «уложение (code)», 3) «учебную книгу (institutes)», и 4) книгу «изъяснений» к уложению (commentaires). При этом под

¹³² Там же. С. 28.

¹³³ Сперанский М.М. О своде законов по гражданской части // Русская старина. 1876. № 3. С. 587. Упомянув уложения французское, прусское и австрийское, Сперанский имел в виду Гражданский кодекс французов (Code civil de français) 1804 г., Всеобщее земское право для Прусских государств (Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten) 1794 г. и Всеобщее гражданское уложение для всех наследственных территорий Австрийской монархии (Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch für die gesammten deutschen Erbländer der Oesterreichischen Monarchie) 1811 г.

«сводом» он понимал «соединение законов, существующих по какой-либо части, расположенное в известном порядке», хронологическом или систематическом¹³⁴. «Уложение» им определялось как «систематическое изложение законов по их предметам, так устроенное, чтобы 1) законы общие предшествовали частным, и предыдущие всегда приуготовляли бы точный смысл и разумение последующих; 2) чтоб все законы, по своду недостающие, дополнены были в уложении и обнимали бы сколь можно более случаев, не нисходя однако же к весьма редким и чрезвычайным подробностям»¹³⁵. «Учебная книга» в его понимании была тем самым уложением, но более методическим и приспособленным «к учебному преподаванию в училищах»¹³⁶. *Изъяснения* же или комментарии Сперанский отличал от остальных трех видов систематизации правового материала тем, что в них излагался «разум или основание законов», давался «отчет в причинах и необходимости дополнений или перемен, в уложении введенных», и устанавливалась их связь с действующими законами¹³⁷.

Все четыре указанных вида систематизации правового материала Сперанский считал применимым только к гражданским и уголовным законам. «Нет примера, да и невозможно почти, — отмечал он, — составить уложение законов полицейских и хозяйственных. Самое существо сих законов, по непрестанной их подвижности, изменениям и непрерывному приращению, не допускает систематического их положения. Из того, что они имеют общего и неподвижного, можно составить учебную книгу, и полезно будет ввести ее в училищах. Но свод сих законов и возможен, и необходим. Составив его раз, должно продолжать тем же порядком ежегодно»¹³⁸.

Еще в 1802 году, в написанных тогда заметках о комиссии уложения, Сперанский выражал мысль о необходимости дополнить своды историей российских законов. Уложенная комиссия должна была, по его мнению:

¹³⁴ Сперанский М.М. Предположения к окончательному составлению законов // Русская старина. 1876. № 2. С. 435.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. С. 436.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 437.

«1. Составить и поверить лучшие и вернейшие своды уложения или расположить законы по материям».

«2. Сочинить историю российских законов, изобразив в ней перемены их, начала, случаи и, естли можно, влияние на государственное благо».

«3. Привести в ясность и порядок рассеянные упражнения прежних комиссий, извлечь из них проекты и материалы, в них изготовленные, дополнить то, что временем и небрежением в них потеряно, перевести или исправить и дополнить переведенные уже уложения: шведское, датское и особенно прусское»¹³⁹.

В «Предположениях к окончательному составлению законов» Сперанский предусмотрел в плане систематизации российского законодательства издание «всех вообще законов в хронологическом их порядке», оценив его как «предприятие огромное и могущее составить памятник в истории всех законодательств»¹⁴⁰. Однако составление полного собрания законов рассматривалось Сперанским лишь в качестве необходимого условия для разработки свода действующих законов.

В записке «О своде законов по гражданской части», представленной императору Николаю I в январе 1828 года, Сперанский объяснил, что составление полного собрания законов в хронологическом их порядке должно предшествовать составлению свода действующих законов, поскольку в противном случае систематический свод составить будет невозможно. По его словам, если бы после собрания всего законодательного материала приступили «у извлечению законов действующих, то произошло бы неминуемое смешение, и никогда цели достигнуть было бы невозможно: на один и тот же случай представляется 5, 6, 10 законов, в разные времена изданных: какой из них должно считать действующим и какой отмененным, и чем именно отмененным? Из сего открылась необходимость разделить все законодательство на периоды, осмотреть каждый период отдельно, и в каждом определить, какие законы в нем были действующими по каждому предмету; чем и

¹³⁹ Сперанский М.М. Отрывок о Комиссии уложения. С. 23–24.

¹⁴⁰ Сперанский М.М. Предположения к окончательному составлению законов. С. 437.

как они отменились в последующем периоде; что в нем осталось из предыдущего и что прибавлено вновь, и таким образом довести все до времени настоящего. Следовательно, надлежало составить два свода: один *исторический*, в коем изложены законы со всеми их изменениями, и другой *свод законов существующих*. После сего, если бы спросили: почему тот или другой закон поставлен в числе действующих, и точно ли он есть действующий; нет ли другого в отмену? Или же, напротив, если бы спросили: почему тот или другой закон не поставлен в числе действующих; где и когда он отмене? На все сии вопросы ответ готов в своде историческом и не может быть с достоверностью сделан, как только посредством сего свода; следовательно, он есть основанием всему делу»¹⁴¹.

План систематизации российского законодательства, представленный Сперанским в январе 1826 года Императору Николаю I, предполагал следующий порядок работ: 1) составление полного собрания законов Российской империи, 2) создание свода действующих законов и 3) составление уложений, прежде всего гражданского. Впоследствии оценивая его во «Введении к Своду законов гражданских», Михаил Михайлович отмечал: «Опыт указал необходимость сего разделения. При подробном обозрении прежних работ найдено, что они, часто прерываясь и потом возобновляясь, всегда почти начинаемы были с конца, т.е. или начинали сочинять уложение без свода законов существующих, или составлять своды без полного их собрания и без твердого плана. Уложение без свода есть умозрение без практики; уложения не изобретаются, но слагаются из прежних законов с дополнением и исправлением их сообразно нравам и обычаям и действительной потребности государства»¹⁴².

Все это означает, что Сперанский смотрел на законодательную реформу как на сложный и многоэтапный процесс преобразования нормативно-правовой сферы общественной и государственной

¹⁴¹ Сперанский М.М. О своде законов по гражданской части // Русская старина. 1876. № 3. С. 588.

¹⁴² Сперанский М.М. Объяснительная записка содержания и расположения свода законов гражданских // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 2. С. 2.

жизни. Эта реформа предполагала создание гармонично взаимосвязанных между собой сводов и уложений.

В уложениях так же, как и в сводах, Сперанский видел два способа изложения правового материала, выделяя соответственно «уложение сводное» и «уложение исправленное». «Под именем первого, — указывал он, обзревая итоги работы законодательных комиссий в течение XVIII и начала XIX в., — всегда разумели свод законов существующих, устроенный в виде уложения, с исключением всего недействующего, но без всяких изменений в существе их. Под именем второго всегда также разумели свод законов существующих, устроенный в виде уложения, но притом с дополнением и исправлением»¹⁴³.

В отличие от «уложения сводного» или просто свода, «уложение исправленное» являлось не только воплощением систематизации законодательства, но и формой правотворчества, способом создания нового правового материала. Труды по составлению такого уложения были по своему характеру настоящей научно-исследовательской работой. Примером уложения подобного рода являлся проект Гражданского уложения, составленный Сперанским в трех частях в 1809–1811 годах. О научно-исследовательском характере работы по его составлению свидетельствует не только его содержание, но и приложенные к нему так называемые «изъяснения», хранящиеся ныне в Российском государственном историческом архиве¹⁴⁴. В процессе составления проекта Гражданского уложения Сперанский устанавливал или уточнял смысл основных понятий гражданского права, определял главные признаки тех или иных гражданско-правовых институтов, отбирал из действующего российского законодательства наиболее оптимальные гражданско-правовые нормы, формулировал новые правила гражданского оборота, отсутствовавшие в законах Российской империи, но признанные необходимыми для развитого гражданского быта.

¹⁴³ [Сперанский М. М.] Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 69–70.

¹⁴⁴ См.: Изъяснения М.М. Сперанского на 1, 2, 3, 4 главы первой части Гражданского уложения. 1810–1812 гг. // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Фонд 1251. Бумаги М.М. Сперанского. Оп. 1. Часть 1. Д. 9. 132 листа.

Методику составления уложений, предполагающих формулирование правовых норм, отсутствующих в действующем законодательстве, Сперанский отличал от методики составления сводов действующих законов. «Составление сводов и приуготовление полного собрания законов, — указывал он, — требует знания, но еще более точности и труда. Напротив, в составлении уложения менее труда, но более нужно знания и соображения. В уложении должно различать три рода статей. Одни составляются из законов существующих; другие видятся вновь в виде дополнений; третьи, наконец, составляют перемену в законе. Статьи первого рода суть основа всего дела; но они недостаточны: множество есть у нас случаев, законом не определенных — отсюда произвольные решения и принужденные толкования, большей частью также произвольные. Статьи второго рода должны быть по сей самой причине многочисленны, но все они должны быть единственно последствием первых. Статьи третьего рода должны быть весьма редки, все основаны на опыте и доказанной необходимости»¹⁴⁵.

Работа по составлению свода, по мнению Сперанского, могла быть разделена между многими лицами. И если они были в состоянии придерживаться единого плана, такая работа могла иметь успешный результат. Однако работа по составлению уложения, предполагавшая научное исследование и правотворчество, не могла быть разделена между многими исполнителями. В такой работе, отмечал Сперанский, «должно быть единство начал и единство слога, и, следовательно, она должна быть произведена одним, и что еще нужнее, должна быть произведена под непосредственным надзором самого законодателя. Никто, никакой совет заменить его не может, или, по крайней мере, заменять не должен. Впоследствии, когда проект уложения будет составлен, полезно и нужно будет внять мнению совета: полезно для того, что из самого различия мнений можно лучше удостовериться в том смысле, в коем закон исполнителями его будет принимаем: нужно для того, что из соображения разных мнений часто открывается истина»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Сперанский М.М. Предположения к окончательному составлению законов. С. 438–439.

¹⁴⁶ Там же. С. 439.

Необходимость дополнения свода действующих законов уложениями, предполагающими правотворчество, создание нового правового материала, вызывалась в значительной мере пробелами в содержании данного свода. Эти пробелы особенно ощущались в Своде законов гражданских, составившем первую часть десятого тома свода законов Российской империи. «Свод есть верное изображение того, что есть в законах, — подчеркивал Сперанский, но он не есть ни дополнение их, ни толкование. При подробном рассмотрении статей его, легко можно заметить множество случаев, законами нашими необъятых и неопределенных, и замечания сии еще усиливаются сравнением статей свода со статьями, им соответствующими в иностранных уложениях»¹⁴⁷.

Сравнивая Свод законов гражданских с иностранными гражданскими кодексами (уложениями), Сперанский отмечал: «В своде есть те же главы и те же разделы, как и в уложениях, есть даже их и больше, но в сих главах и в сих разделах недостает весьма многих существенных статей, не определено многих весьма важных случаев». При этом он указывал на конкретные случаи таких пробелов. «Так, например, у нас, как и везде, есть глава о духовных завещаниях; но у нас она вся заключается в 90 статьях, а во французском уложении она составляет 16, в австрийском — 175, в прусском — 616, и все сии статьи не суть лишние какие-либо подробности, но правила важные, необходимые. Другой пример: глава об опеке и попечительстве у нас составляет 35 статей, а во французском уложении — 126, в австрийском — 97, в прусском — 1 007. Подобные сему примеры можно указать, если не в каждой главе, то почти в каждом разделе»¹⁴⁸. При этом объем свода законов гражданских был весьма велик: в издании 1832 года он состоял из семи книг и 3 160 статей, занимавших 726 страниц¹⁴⁹.

Объясняя наличие серьезных пробелов в российском гражданском законодательстве, Сперанский писал: «Сие и быть иначе

¹⁴⁷ Сперанский М.М. Объяснительная записка содержания и расположения свода законов гражданских. С. 6.

¹⁴⁸ Сперанский М.М. О своде законов по гражданской части. С. 590.

¹⁴⁹ См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов гражданских и межевых. Часть 1. Законы гражданские. СПб., 1832.

не могло. Гражданские законы нигде не были произведением умозрения. Они везде возникали от дел и случаев. Следовательно, чем более дел, чем жизнь государства была продолжительнее, чем круг его действия обширнее, тем гражданские его законы обильнее, тем состав их полнее. Сто семьдесят пять лет гражданского нашего законодательства¹⁵⁰ есть эпоха весьма краткая в сравнении с другими. Прибавить к сему должно, что другие народы вступили в гражданскую жизнь с великим наследством; мы, напротив, ничего почти не наследовали от римлян и весьма мало от греков. Все богатство наше в сем роде есть наше собственное, благоприобретенное. Справедливее можно дивиться тому, что мы имеем, нежели тому, чего у нас нет»¹⁵¹.

После этих слов делался вывод: «Дополнить недостающее, довершить недоконченное, дать каждому предмету законодательства надлежащую его полноту и пространство, — есть дело уложения»¹⁵².

Идея создания для России гражданского уложения являлась одной из самых важных в реформаторских замыслах М.М. Сперанского. Михаил Михайлович лучше всех его современников понимал, что правильно составленное и соответствующее своим содержанием условиям России и правосознанию русского народа гражданское уложение будет иметь значение юридической модели, способствующей формированию в стране гражданского общества. Однако ему не удалось осуществить этот свой замысел.

Император Николай I не решился пойти в систематизации гражданского законодательства дальше свода законов гражданских. Этот шаг сделает его внук император Александр III, приняв в мае 1882 г. решение об общем пересмотре действующих гражданских законов и о составлении проекта Гражданского уложения. Процесс разработки данного проекта растянется более чем на два десятилетия¹⁵³, но так не

¹⁵⁰ Сперанский считал началом действовавшего в России в его время гражданского законодательства Соборное уложение 1649 года.

¹⁵¹ Сперанский М.М. О своде законов по гражданской части. С. 590.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ См. о трудах по составлению данного проекта: Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века // Законодательство. 2015. № 2–12. 2016. № 1–7.

будет завершен, несмотря на активные усилия и проделанную огромную работу для достижения этой цели.

Вынашивая грандиозные реформаторские замыслы, Сперанский хорошо понимал, как легко осуществить в России преобразования, выгодные кучке сановников и богачей, и как невероятно трудно провести реформы, благие для всего общества и отвечающие насущным интересам народа. Может быть, именно поэтому среди его мыслей о реформах в условиях России было много суждений чрезвычайно грустных.

В 1802 году Сперанский посетовал в записке «О постепенности усовершенствования общественного»: **«Из всех огорчений самое чувствительное для всякого человека есть расстаться с его идеями добра и находить то невозможным, что столь очевидно было бы полезно. Это мучение Тантала видеть добро, хвататься за него и никогда не поймать. Это судьба всех почти лучших человеческих желаний»**¹⁵⁴. Этими словами была начертана формула судьбы его самого и самых великих его реформаторских замыслов.

¹⁵⁴ Сперанский М.М. О постепенности усовершенствования общественного // Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 76.